

Стэнли Фишер, Ратна Сахай

*Страны с переходной экономикой: десять лет реформ**

1. Введение

В течение десяти лет, прошедших со времени начала экономических реформ в Польше, экономические показатели стран с переходной экономикой Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза имели очень большие отличия. Наилучших результатов добились те страны, которые с самого начала были полны решимости осуществить реформы и проводили их наиболее последовательно¹. При этом значительную роль в их успехе сыграли два обстоятельства: географически они были наиболее близки к Западной Европе, и их пребывание в коммунистической системе было наименее продолжительным.

В Таблице 1 представлены показатели объема производства в переходный период для 25 стран с переходной экономикой². За начало перехода T принят год (ТТ – годы), когда было отменено центральное планирование в экономике. В первые годы реформ объем производства снижался во всех странах. Однако уже в середине 90-х годов в наиболее успешных экономиках начался рост, и сегодня эти страны уверенно продвигаются к цели – присоединению к Европейскому союзу. Хотя все задачи реформирования не решены и по сей день, стадию переходного периода они уже прошли. В то же время в наименее успешных странах объем производства продолжает ежегодно снижаться, и большинству из них все еще предстоит решать задачи переходного периода.

Контраст между более и менее успешным переходом (последнее в значительной мере относится к странам бывшего Советского Союза) ставит много вопросов, касающихся как деталей стратегии перехода, так и политических факторов, влияющих на выбор экономической политики.

2. Макроэкономические характеристики

Десять лет назад предполагалось, что с началом процесса реформ объем производства упадет по причинам макроэкономической стабилизации и перераспределения ресурсов от неприбыльного сектора к сектору, прибыльному по мировым меркам. С наступлением же стабилизации, когда в новых секторах экономики начнется рост, а в старых продолжится падение, совокупный продукт будет расти. Ожидалось, что объем производства будет увеличиваться даже быстрее, чем в современных экономиках, что начнет сокращаться разрыв в доходах и что, может быть, возникнет процесс конвергенции.

Как видно из Рисунка 1, в начале переходного периода объем производства упал во всех 25 странах, причем степень этого падения намного превзошла ожидания. Со временем падение – в среднем свыше 40% – достигло предела. К 1998 году объем производства начал расти в 20 из 25 стран.

* Статья была представлена на конференции “Ten Years After. Transition and Growth in Post-Communist Countries”, которая была проведена в Варшаве польским Центром социальных и экономических исследований “CASE” 15-16 октября 1999 года.

¹ Что касается уменьшения темпов падения объема производства, Узбекистан – страна, где было проведено незначительное реформирование, – является исключением. Беларусь – еще одна страна, где характер объема производства не отличается значительно от стран, успешно осуществивших реформы, хотя в Беларуси реформы, в лучшем случае, проводятся медленно. Два этих случая будут обсуждаться ниже.

² Переходный период начинается с года T – года крушения коммунистического режима, примерный момент, когда страны начали двигаться к рыночной экономике. Конкретные года начала переходного периода для различных стран см. на Рисунке 1. Необходимо учитывать, что на Рисунке 1 индекс ВВП в год $T-2$ равен 100 для всех стран.

Качество данных об объеме производства, особенно на начальном этапе трансформации, остается достаточно важным вопросом. В официальной статистике объем производства, как и показатели роста, для переходных экономик был занижен – с одной стороны, за счет возникновения негосударственного сектора, который в начале переходного периода был, как правило, не полностью включен в систему статистического учета*, и, с другой стороны, развитием теневой экономики. Несмотря на подобные проблемы качества данных, будем считать, что статистические доказательства прольют свет на ситуацию в первые годы переходного периода. В последние годы были сделаны попытки оценки нерегистрируемого сектора. При сравнении наших данных с наиболее обширными, но не исчерпывающими данными, например, Джонсона (1999), видно, что хотя конкретные показатели по странам могут различаться, но качественные выводы, касающиеся различных групп стран, остаются неизменными³.

Для удобства анализа 25 государств разбиты на три группы: страны Центральной и Восточной Европы (CEE – the Central and Eastern European countries), страны Балтии и остальные страны, входившие в бывший Советский Союз (OFSU – the other countries of the Former Soviet Union).⁴ Вместе страны Балтии и СНГ образуют FSU (the Former Soviet Union, бывший СССР)*. Иногда различают, с одной стороны, «ранних реформаторов» в ЦВЕ – те страны, которые осуществили комплексный пакет стабилизационных и структурных реформ в самом начале переходного периода, и, с другой стороны, страны, которые сделали это позже – «поздние реформаторы». Поздние реформаторы в Центральной и Восточной Европе – Албания, Болгария, БРЮ Македония и Румыния, остальные страны Центральной и Восточной Европы относятся к ранним реформаторам.

На Рисунке 2 представлены значения объема производства для трех групп стран в соотношении с календарным временем и длительностью переходного периода.⁵ Среднее падение объема производства в странах ЦВЕ на 28% было значительно меньшим, чем в странах Балтии (43%) и странах СНГ (хотя, конечно, еще не все страны СНГ достигли роста объема производства или приближаются к этому).

Увеличение темпов роста после достижения выпускной точки «подошвы» было впечатляющим во многих странах (Таблица 1). В Албании, Польше, Словакии, Хорватии, Грузии и Армении (в порядке убывания) оно было наиболее значительным – от 43 до 30% в 1998 году. Средний индекс роста в странах бывшего СССР был выше, чем в странах ЦВЕ. Этот факт объясняется тем обстоятельством, что доходы на душу населения в странах бывшего СССР ниже и падение объема производства там было гораздо большим. Следует указать, однако, что не во всех странах, входящих в эту категорию, начался экономический рост.

* В следующем выпуске Квартального бюллетеня по результатам исследований Института приватизации и менеджмента планируется публикация ряда статей, посвященных проблемам статистической оценки нового частного сектора – *прим. переводчика*.

** Далее по тексту мы будем использовать более привычные для русскоязычного читателя термины: CEE – ЦВЕ, OFSU – СНГ, FSU – бывший СССР – *прим. переводчика*.

³ Исследования по этому вопросу указывают на значительно большее занижение показателей в бывшем СССР, чем в странах Центральной и Восточной Европы (Джонсон, Кауфман и Шлефер, 1997, Ди Брок и Коэн, 1999, и другие). Но даже по наиболее оптимистичным оценкам, падение объема производства было гораздо значительнее в странах СССР, чем в странах Центральной и Восточной Европы. Были сделаны попытки корректировки официальной статистики, в том числе ретроспективно, чтобы уменьшить перекосы в странах с переходной экономикой. Официальная статистика в России, Казахстане, Литве уже включает эти изменения.

⁴ В данной работе рассматриваются десять стран ЦВЕ: Албания, Болгария, Хорватия, Чешская республика, Венгрия, БЮР Македония, Польша, Румыния, Республика Словакия и Словения. Балтийские страны – это, конечно, Эстония, Латвия и Литва. Страны СНГ – Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

⁵ Величина объема производства, представленная на Рисунке 2 для каждой группы стран является простым (т.е. не взвешенным) средним уровнем объема производства по странам, где за 100 принимается уровень базового года.

Несмотря на начало экономического подъема в большинстве стран, цифры показывают, что лишь немногие из них превзошли по объему производства допереходный уровень. Если сравнить с 1989 годом или годом перед началом переходного периода, то этого в 1998 году удалось добиться только Польше, Словакии и Словении. А если принять за базовый показатель 6 лет с момента начала перехода (учитывая более поздний старт реформ в странах бывшего СССР), то только Польша имела более высокий объем производства в сравнении с показателем за год до начала перехода. В среднем к 1998 году или после 6 лет переходного периода страны ЦВЕ достигли, по крайней мере, 90% уровня производства допереходного времени, в то время как соответствующие показатели для стран бывшего СССР равняются 70 и 60% соответственно⁶.

Хотя ВВП является единственным наиболее подходящим суммарным статистическим показателем экономических характеристик, необходимо учитывать его слабые стороны. Во-первых, данные могут быть неточны, что уже обсуждалось выше. Но даже если данные и точны, возникают известные проблемы, как и в случае с индикатором благосостояния: аналитически, расчет реального объема производства будет зависеть в большей степени от базовых цен, чем от относительного их изменения, особенно в переходном периоде; качество одной и той же потребительской корзины, как правило, улучшалось после либерализации; распределение доходов значительно изменялось во многих переходных экономиках, и доля потребления в доходе обычно возрастала.

Принимая во внимание недостаточную достоверность данных о потреблении и инвестициях в переходных экономиках, Рисунок 3 показывает, что доля частного потребления в ВВП резко возросла, а автономных инвестиций – сократилась в начале переходного периода.⁷ Более высокая доля потребления в ВВП говорит о том, что падение уровня благосостояния в среднем оказалось меньшим, чем предполагаемое исходя из поведения выпуска⁸.

Инфляция и стабилизация.

В начале переходного периода большинство стран столкнулось с излишком денежной массы и необходимостью либерализации цен. Инфляция либо уже была, либо существовала большая угроза ее появления. Начавшись в Польше в 1990 году, программы стабилизации к 1995 году охватили все 25 стран, кроме Туркменистана. В зависимости от размера излишков денежной массы и задержки начала программ стабилизации индекс инфляции за первые 12 месяцев значительно различался по странам: от гиперинфляции в 57000% в год в Грузии до 26% в год в Венгрии (Таблица 2).

К 1998 году в большинстве стран инфляция была снижена до уровня менее 10%, при этом, по крайней мере, в трех странах была зафиксирована дефляция. Страны ЦВЕ имели в среднем более низкий уровень инфляции, чем страны бывшего СССР. Поскольку в 1998 году уровень инфляции в России и Беларуси был очень высоким, эти усредненные показатели не дают верного представления о явных успехах в большинстве стран этой группы.⁹

⁶ Выбор года – начала переходного периода, также не избавлен от противоречий. Как отмечают Лайос Бокрос и Вацлав Клаус, если определять начало переходного периода как год падения коммунистического режима, то мы не принимаем во внимание, что страна может находиться в другой фазе своего бизнес цикла. И это верно. В случае с Венгрией, проблема определения первого года переходного периода немного отличается, т.к. медленные реформы проводились в течение длительного периода времени. Мы берем 1990 год за начальную дату, т.к. в этот год реформы ускорились.

⁷ Частное потребление и основной капитал измеряются в номинальном выражении как доля ВВП, т.к. по дефлятору ВВП и инвестициям либо нет данных, либо они или очень ненадежны.

⁸ Значительные изменения в потребительском спросе, отраженные в Таблице 3, могут быть объяснены приведением потребления в соответствие с равновесным уровнем после окончания централизованного планирования. О подавленном потреблении и вынужденном сбережении в переходном периоде см. у Кальво, Сахай, Вег (1996) и Денизер, Вулф (1998).

⁹ За исключением России и Беларуси, среднегодовая инфляция для стран СНГ в 1998 году составил лишь

Те из стран ЦВЕ, которые начали реформы раньше, имели лучшие показатели, чем те, которые приступили к ним позднее. В странах с валютным комитетом [currency board] – Болгарии, Эстонии и Литве – были достигнуты наиболее впечатляющие результаты.

Стабилизация инфляции – один из главных показателей успеха реформ в переходном периоде. С момента, когда цены были освобождены, всевластие инфляции стало главной заботой. Скачки цен и требования повышения зарплаты грозили привести к раскручиванию инфляционной спирали и к долларизации экономики.¹⁰ По этой причине в программах стабилизации были заложены некоторые сдерживающие инфляцию меры: жесткая денежно-кредитная политика, политика сдерживания роста зарплаты, денежная реформа и неинфляционные источники финансирования бюджетного дефицита¹¹. Данные показывают (Рисунок 4), что после начала реализации стабилизационных программ инфляция достаточно быстро была взята под контроль. В отличие от Латинской Америки, индексация зарплат не проводилась, и страны с сильно долларизованной экономикой, по мере снижения инфляции, становились не долларизованными (хороший пример – Польша).¹²

Важным элементом начальной стратегии стабилизации был выбор режима валютного курса. Страны ЦВЕ и Балтии остановились на смешанном режиме (Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Польша и Словакия) и плавающем режиме валютного курса (Албания, Болгария, бывшая югославская республика Македония, Латвия, Литва, Румыния и Словения), в то время как страны СНГ выбрали плавающий режим (Таблица 2). Тому было несколько причин: опасения, что в течение переходного периода реальные шоки могут повториться несколько раз; что искусственное поддержание курса не может продолжаться долго, поскольку начальная кредитоспособность этих стран была низкой; что валютные резервы для поддержания курса недостаточны, и что просто невозможно определить курс местной валюты, который должен поддерживаться.¹³

Хотя многие страны СНГ и заявили о плавающем режиме, фактически валютные курсы по отношению к доллару и немецкой марке в начале стабилизационного периода сдерживались. Несколько стран провели денежные реформы и ввели новые валюты. Литва в апреле 1994 года и Болгария в июле 1997 года ввели валютный комитет. Латвия ввела режим валютного комитета и привязку к SDR (специальные права заимствования) в феврале 1994 года. Россия и Украина объявили о введении узкого валютного коридора в 1995 году. В большинстве случаев, когда обменный курс был либо жестко, либо не столь жестко, но все-таки фиксированным, инфляция стала быстро падать, достигнув относительно низкого уровня к 1998 году¹⁴.

Сегодня все страны, кроме четырех, имеют плавающий режим. Существует несколько причин, в силу которых многие страны переходили от режима регулирования к более гибким режимам. Некоторые ослабляли режим под давлением обстоятельств. Польша приняла заблаговременные меры с тем, чтобы избавиться от привязки к доллару, введя в мае 1991 года режим привязки к корзине валют («basket peg»), затем, в октябре этого же года, – ползущую привязку («crawling peg»), и, наконец, в мае 1995 года – плавающий режим (в

10,9 %.

¹⁰ Долларизация будет ограничивать возможность кредитно-денежных органов проводить монетарную политику и сокращает базу инфляционного налога.

¹¹ Фактически казначейские билеты были введены во многих странах в самом начале процесса реформирования.

¹² См. у Сахая и Вега (1996) о долларизации в переходных экономиках.

¹³ См. Зеттельмейер и Цитрин (1995).

¹⁴ Фишер, Сахай и Вег (1996, 1997) показывают, что стабилизация оказывается более успешной в странах с фиксированным режимом валютных курсов, и этот вывод соответствует практике в других развитых странах. Лоунгани и Шитс (1997) приводят доказательства существования связи между степенью независимости центрального банка и результатами инфляции в переходных экономиках. Обсуждение относительных достоинств фиксированного курса по сравнению с гибким режимом в начале переходного периода см. у Сахая (1996) и Сахая и Вега (1996).

очень широком диапазоне). Польский опыт выхода из режима валютного регулирования может рассматриваться сегодня как наиболее успешный. Чешская крона оставалась плавающей и во время кризиса валютного рынка в 1995 году. Фактически валютное регулирование, основанное на широком диапазоне колебаний курса, в нескольких странах бывшего СССР, имеющих сегодня плавающий режим, может оцениваться сегодня как успех, так как оно способствовало быстрому снижению инфляции и одновременно не являлось препятствием в виде необходимости формальной отмены режима валютного регулирования в случаях, если требовалась большая гибкость. Опасности промедления при переходе к более гибкому режиму в условиях нежесткой финансовой политики и высокой мобильности капитала хорошо видны на примере России.

В переходном периоде также резко ухудшились показатели бюджетного сальдо.¹⁵ Как показано на Рисунке 4, в странах СНГ в среднем бюджетный дефицит составил более чем 15% от ВВП в 1992 году, в странах ЦВЕ – 4-5%, в то время как в странах Балтии он упал от профицита в 5% до почти нуля. Как только были внедрены стабилизационные программы, сальдо бюджета резко улучшились в странах СНГ, несколько ухудшились в странах ЦВЕ и совсем незначительно ухудшились в странах Балтии. Тем не менее, после 1992 года средний бюджетный дефицит в странах ЦВЕ и Балтии оставался более низким, чем в странах СНГ, на 2-4%. К 1997 году в странах Балтии вновь отмечен профицит, в то время как средний бюджетный дефицит в странах ЦВЕ и СНГ был 4 и 5% соответственно.

В первые годы для экономик переходного периода бюджетный дефицит был практически неизбежен. Было очевидно, что введение жестких бюджетных ограничений на государственных предприятиях неизбежно (Корнаи, 1986), что источники государственных доходов на какое-то время сужаются. Традиционные налоговые системы и институциональные каналы поступления государственных доходов разрушились. Резко упали государственные доходы¹⁶ (Рисунок 5). С другой стороны, потребности в бюджетных расходах были высокими, поскольку финансирование предпринятых государством реформ не терпело отлагательства. К тому же, несмотря на финансовые ограничения, расходы на социальную сферу (образование и здравоохранение) не были сокращены (по крайней мере, относительно ВВП, Рисунок 5). Так как государственные долги были, как правило, небольшими, а потенциал роста ВВП был высоким, относительно длинный период сдерживаемых финансовых дефицитов способствовал успешной стабилизации.

Однако более глубокий анализ данных по странам показывает, что стабилизационный процесс не выдерживался там, где постоянно наличествовал бюджетный дефицит, а структурные реформы шли медленно. Это особенно видно на примере России, но также относится и к другим странам СНГ (Беларусь, Таджикистан и Узбекистан)¹⁷. Уменьшение бюджетных дефицитов в первые годы стабилизации в странах СНГ на макроэкономическом уровне оценивалось как значительное, бюджетные доходы резко снизились. В этих

¹⁵ Учитывая высокую инфляцию, естественно предположить, что высокие дефициты в начале являются скорее номинальными, чем операционными: однако, учитывая в общем низкий уровень внутреннего государственного долга в это время, номинальные и операционные дефициты не отличались. Тем не менее, возникает множество вопросов, связанных с измерением дефицита бюджета в переходных экономиках. Наиболее часто проблемы вызваны тем, что исчисления проводятся в разных странах по-разному (например, центральное либо общее управление, включая внебюджетные статьи или нет), или в одной стране изменяются во времени. В общем, дефицит в странах, проводящих быстрые реформы, выглядит хуже, чем он на самом деле есть по сравнению с остальными странами просто потому, что в первых странах практика расчета лучше.

¹⁶ В странах СНГ государственные доходы сократились более чем на 11 % от ВВП в 1991-95. К некоторым причинам сокращения доходов относятся высокие потери в объеме производства у традиционных налогоплательщиков (т.е. у государственных предприятий, в промышленности, у государственных торговых предприятий) и налоговые реформы, сокращающие доходы в бюджет.

¹⁷ 12-месячные показатели инфляции на июль 1999 для Беларуси, Таджикистана и Узбекистана были 343, 38 и 27% соответственно.

условиях сокращение расходных статей не всегда было в ряде стран достаточно продуманным¹⁸. В большинстве стран СНГ сокращение расходных статей бюджета было вынужденным вследствие жесткости финансовых ограничений¹⁹. Их результатом стало падение расходов в странах СНГ в среднем с 45% от ВВП в 1992 году до 29% в 1995 году. Такие сокращения часто делались в последние минуты, произвольно или просто через неплатежи. Проблема бюджетных неплатежей, весьма значительных в некоторых странах, стала угрожать стабильности и бюджетной дисциплине и в государственном, и в частном секторе.

В общем виде, достижения переходных экономик по снижению инфляции с очень высоких темпов были впечатляющими практически по всем странам. Что касается бюджета, то хотя его сальдо значительно улучшилось с начала переходного периода в переходных экономиках, не было отмечено четкой связи между сальдо бюджета и ростом ВВП.

3. РАСЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЪЕМА ПРОИЗВОДСТВА

Стартовые условия

Несмотря на схожие экономические системы и типичный очень высокий уровень развития человеческого капитала, экономические характеристики 25 стран значительно различались в момент начала процесса трансформации (Таблица 3). Страны СНГ были менее знакомы с рыночными институтами, чем страны Балтии и ЦВЕ, т.к. на 20-30 лет дольше находились под властью коммунистического режима. По сравнению со странами ЦВЕ и Балтии, природные ресурсы были значительно богаче в некоторых странах СНГ, особенно в Азербайджане, Казахстане, России, Туркменистане. Доход на душу населения значительно варьировался: в среднем, в странах ЦВЕ положение было лучше, чем в бывшем СССР, а из республик бывшего СССР в Прибалтике доход на душу населения был выше, чем в других республиках. Таким же образом, страны с наименьшим доходом на душу населения были более аграрно-ориентированными. Зависимость от внутрирегиональной торговли была максимальной в странах Балтии, затем в СНГ и ЦВЕ, соответственно. Забегая вперед, можно сказать, что страны Балтии и ЦВЕ имели более выгодное географическое положение для переориентации торговли на индустриальные страны, чем СНГ.

В общем, макроэкономический дисбаланс был хуже в странах бывшего СССР, чем ЦВЕ. Чехословакия находилась в наилучших макроэкономических стартовых условиях, у Венгрии также была неплохая позиция. Болгария, Хорватия, Венгрия и Польша унаследовали значительные внешние долги, тогда как остальные фактически их не имели. После распада СССР, Россия взяла на себя все долги советской эпохи (которые до этого момента были достаточно скромны), чем освободила остальные республики СССР от внешних обязательств.

Интересным является вопрос, в какой степени стартовые условия сами по себе влияют на последующие характеристики в контексте простой межстрановой регрессии. Введем семь переменных, которые, будем считать, отражают стартовые условия: доля сельского хозяйства в ВВП, индекс наличия природных ресурсов, количество лет коммунистического режима, коэффициент вовлеченности в среднее образование [rate of secondary school enroll-

¹⁸ Продолжились субсидии в целевые сектора, быстрое расширение освобождения от налогов продолжалось, сбор налогов ухудшался, и общий потенциал доходов в бюджет от энергетического сектора не был принят во внимание. В середине 1990-х, например, производственные субсидии в Казахстане, России, Украине и Узбекистане все еще составляли 11-13 % от ВВП (Чести и Дэвис, 1996)

¹⁹ Как внешнее частное финансирование, так и доходы от приватизации были разочаровывающе низки. По некоторым оценкам, девять стран бывш СССР, в среднем, могли получать от приватизации ежегодно 13% ВВП в 1989-95 годах (Чести и Дэвис, 1996). Фактически, получен был только примерно один процент, который мог использоваться для финансирования бюджетного дефицита, т.к. большая, чем предполагалась, часть акций была распространена бесплатно, или потому, что сам приватизационный процесс не набирал скорость.

ment)], торговая зависимость, индекс излишней индустриализации, удаленность столицы от Дюссельдорфа. Среди семи переменных только две – число лет коммунистического правления в стране и коэффициент вовлеченности в среднее образование, который служит показателем экономического развития в переходный период – могут объяснить значительную часть кумулятивного показателя роста по переходным экономикам. Итак,

$$\begin{array}{l} \text{кумулятивный рост} \\ \text{до периода } T+6 \end{array} = \begin{array}{l} -57,2 \\ (-2,11) \end{array} + \begin{array}{l} 1,1 \\ (2,96) \end{array} * \begin{array}{l} \text{средняя} \\ \text{школа} \end{array} - \begin{array}{l} 1,1 \\ (-4,51) \end{array} * \begin{array}{l} \text{число лет при} \\ \text{коммунизме} \end{array} \quad (1)$$

Скорректированный $R^2=0,460$

Число наблюдений =25

где $T=6$ – шестой год переходного периода для каждой данной страны, кумулятивный рост – рост ВВП от T до $T+6$, средняя школа – коэффициент вовлеченности в среднее образование (см. Таблица 3), t -статистика в круглых скобках. Таким образом, число лет коммунистического правления, показывающее как далеко страна отошла от рыночной экономики, и коэффициент вовлеченности в среднее образование объясняют практически 50% показателя роста²⁰.

Стратегии перехода.

Довольно быстро (частично на основе опыта Польши) основная группа экономистов пришла к согласию относительно общих принципов, которыми следует руководствоваться при выборе стратегии переходного периода. Рисунок 6, опубликованный в 1991, содержит выводы выработанного консенсуса. Сегодня наиболее интересен тот факт, что список включает элементы, которые, как кажется сейчас, были упущены на начальных этапах реформ, например правовая реформа. Заслуживают внимания предположения о периоде времени, необходимом для проведения институциональных реформ и реструктуризации крупных предприятий. Стоит отметить также, что Рисунок 6 предполагает более постепенное проведение реформы торговли, чем это произошло на самом деле.

Ряд положений общей стратегии вызвал споры. Это в первую очередь касается так называемой шоковой терапии и последовательности принимаемых мер. Быстрые действия были возможны в некоторых секторах – либерализация цен и торговли, стабилизация инфляции и, может быть, малая приватизация, – но в остальном – было ясно, что реформы продлятся долго. Дискуссия относительно шоковых мер касалась в основном макроэкономической стабилизации и темпов приватизации и в меньшей степени темпов либерализации торговли; по ряду причин разногласий относительно темпов либерализации цен было меньше. Что касается последовательности действий, то спор шел по поводу того, какие реформы обязательны для проведения последующих. Например, приватизация невозможна без принятия базовых законов или создания финансовой системы или и того и другого вместе. Или либерализация цен не может начаться, пока не будет уверенности в грядущей макроэкономической стабилизации.

Таким образом, дебаты относительно шоковой терапии и последовательности действий были тесно связаны. Конечно, проведение реформ могло бы быть более последовательным в идеальном мире, в котором сам факт необходимости реформ ни у кого не вызывал бы сомнений. Это было бы лучше, чем попытки действовать по всему фронту одновременно. Хотя и там, где реформирование шло оптимальными темпами, пока рано говорить о завершении этого процесса.

Те, кто ратовал за быстрые действия, возможно, принимали в расчет не только экономические причины. Они полагали, что суммарные потери благосостояния при принятии быст-

²⁰ Используя другие переменные, характеризующие первоначальные условия, Де Мело, Денизер и Гелб (1997) пришли к выводу, что первоначальный макроэкономический дисбаланс оказывает сильное влияние на экономический рост и инфляцию в коротком периоде.

рых мер будут меньшими по причинам главным образом политико-экономического характера. Замечание Бальцеровича об «экстраординарной политике» в данном контексте имеет особое значение. Аргументом было то, что вслед за падением старой системы возникала ситуация, когда согласие общества на реформы достигло высшей точки, и это означало необходимость перехода к практическим шагам. Политико-экономические причины доминировали при принятии решений о реформах в России, это относилось как к решению об отпуске цен, так и к решениям по приватизации.

Наиболее оживленно проходили дебаты по приватизации, особенно это относилось к ее темпам и формам (например, массовая приватизация или прямая точечная продажа предприятий). В каждой стране обсуждалось, разрешить ли приобретение акций иностранцами. Наиболее значительные дебаты освещены в работах Липтона и Сакса (1990), Бальцеровича (1994) и Бланшара (1992). В основном споры касались вопроса о необходимости быстрого отделения предприятий от государства, что остановило бы расхищение имущества и не позволило бы группам, преследующим свои узкие интересы, в последствии заблокировать приватизацию. Сторонниками более постепенного подхода были Ньюбери (1991), который ставил вопрос о неэффективности, вызываемой монополиями, Деватрипонт и Роланд (1995), считавшие, что быстрая приватизация несет слишком большие политические издержки, и Агион и Бланшар (1994), озабоченные быстрым ростом безработицы.

Помощь и капитальные вложения

Все сходились во мнении, что на ранних стадиях реформ для их поддержки будет необходима иностранная финансовая помощь. Поскольку отсутствовал опыт управления в условиях рыночной экономики, была также необходима иностранная техническая помощь. Несмотря на громкие разговоры о Плане Маршалла, финансовая помощь в массовых масштабах отсутствовала. Все эти задачи были переданы международным финансовым институтам, к числу которых добавился вновь созданный Европейский банк реконструкции и развития. Существенную роль сыграли рекомендации авторитетных ученых, техническая и финансовая помощь, в том числе и со стороны Евросоюза.

В недавней статье Гарибальди, Мора, Сахая и Зеттельмейера проанализированы объем и структура потоков капитала в 25 странах с переходной экономикой и сделана попытка рассчитать природу притока капитала в различные страны. Они выяснили, что в среднем приток капитала (в расчете на душу населения) в страны с переходной экономикой в 1990-х годах был примерно таким же, как в Латинскую Америку и в наиболее продвинутые экономики Азии, и значительно выше, чем в другие развивающиеся страны.

Общие цифры, однако, скрывают тот факт, что распределение финансовых вливаний по странам было очень неравномерным. Страны ЦВЕ и Балтии получили гораздо больше денег в расчете на душу населения, чем остальные. Годовые показатели притока капитала и прямых иностранных инвестиций ясно свидетельствуют об успехе стран ЦВЕ и Балтии, особенно это видно из того, что эти страны и с течением времени продолжают оставаться привлекательными для иностранного капитала²¹. Особняком стоит Россия, которая в течение всего переходного периода оставалась единственной страной, экспортировавшей капитал.

Структура вложений, с одной стороны, имеет определенное сходство по странам (Рисунок 8). Долгосрочные вложения значительно превышают краткосрочные. Кроме того, в начале переходного периода значительные ресурсы были затрачены на адресное финансирование (включающее списание задолженностей, помощь по реструктуризации и официальная помощь), также происходила постепенная переориентация потока капитала на прямые ино-

²¹ Случай России настолько отличен от всех остальных стран, что Гарибальди выделил ее в отдельную группу, состоящую из одной страны.

странные инвестиции и другие частные источники. Это подтверждает, что предусмотренные реформы уже проведены и официальная поддержка может быть вскоре замещена вложениями из частного сектора.

Подводя итоги, можно сказать, что ожидания по поводу крупной внешней помощи для финансирования реформ так и не оправдались. Вместо этого была предоставлена техническая помощь и ограниченная финансовая помощь по официальной линии. С течением времени тонкой струйкой потек частный капитал, который стал заметным фактором лишь в немногих странах ЦВЕ и Балтии – там, где реформы продвигались наиболее успешно.

Осуществление реформ

Многие авторы (Эсланд, 1996, Сакс, 1996, Стиглиц, 1999, Линн, 1999, Уиплош, 1999, Отчет ЕБРР о трансформации, 1999) предпринимали попытки резюмировать изменения политического курса, произошедшие с начала переходного периода. Представленные в схеме 4 показатели инфляции и данные о бюджете позволяют судить о прогрессе на пути макроэкономической стабилизации. При оценки степени структурных реформ, мы основывались на информации ЕБРР и индексах, построенных Де Мело, Денизером и Гелбом (1996). Эти индексы представлены в Таблице 4 и диаграмме на Рисунке 9²². Три индекса отслеживались все время: LIP оценивает масштабы приватизации и реформ в финансовом секторе, LIE – измеряет степень рыночных реформ во внешнем секторе, и LII – определяет уровень внутренней либерализации цен и рынков, включая степень существующей в экономике конкуренции. LI, общий индекс либерализации, рассчитывается как средневзвешенное трех переменных: LIP, с максимальным весом (40%), остальные два индекса имеют равные веса. Максимальное значение, которое могут принимать составляющие индекса LI равняется единице и соответствует уровню развитой рыночной экономики. Также представлен индекс CLI (для каждого года представляет собой кумулятивное значение LI к данному году), отражающий скорость и степень реформ к определенному моменту.

Индексы, представленные в Таблице 4 и на Рисунке 9, показывают, что, почти по определению, страны ЦВЕ, рано приступившие к реформам, опережают остальных по скорости и степени реформ, CLI; за ними следуют страны Балтии, затем страны ЦВЕ, приступившие к реформам позже, и наконец страны СНГ. Сравнивая индекс LI в двух последовательных периодах, 1989-94 и 1995-97 года, обращает ан себя внимание тот факт, что Балтийские страны, несмотря на поздний старт, догоняют страны ЦВЕ, рано начавшие реформы, ко второму периоду. Сравнивая по значения индексов LIP, LIE и LII, показатели LIP оказались ниже, чем два других индекса. Однако в абсолютных показателях LIE и LII достигают 80% от уровня развитой рыночной экономики ко второму периоду. Кроме того, поразительно, что индекс LIE как в странах Балтии, так и странах ЦВЕ, рано начавших реформы, достиг уровня индустриальных стран к 1995-97 (Рисунок 9). Анализируя годовые показатели, находим, что уже в 1992–1993 годах все страны ЦВЕ провели либерализацию во внутреннем и внешнем секторах на 90%. Хотя страны Балтии достигли этого уровня также к 1993 году, они действовали даже быстрее, поскольку начало реформ там приходится на 1991-1992 годы. К 1993 году показатель стран СНГ был равен лишь 60%. Как и предполагалось, учитывая, что данный процесс по своей природе требует временных затрат, рост индекса LIP, был достаточно медленным для всех групп стран, но особенно для СНГ.

Впечатляет скорость роста частного сектора. При сравнении долей частного сектора в ВВП в различных группах выделяются страны Балтии, где в частные руки перешло 62% собственности в период 1995-1997 годов. За странами Балтии в этот период шли страны ЦВЕ (59% у тех, кто начал реформы рано, и 49% у тех, кто позднее) и страны СНГ (40%).

Объяснение показателей роста

²² Индексы были модифицированы Бергом, Боренштецом, Сахаем и Зеттельмейером (1999) для 1996-97 годов.

Ненадолго вернувшись к Рисунку 2, можно увидеть, что максимальный годовой спад объемов производства приходится на год начала переходного периода, при этом следует иметь в виду, что падение производства также было значительным до начала стабилизации. Интересно, что в то время как процесс восстановления экономик в странах СНГ проходит значительно медленнее, чем в других группах стран, период стабилизации практически одинаков: рост производства начинается через два года с начала стабилизации. Это приводит к выводу, что большое падение производства в начале переходного периода является, скорее всего, следствием начала самого перехода, по причине дезорганизации, как это представлено в модели Бланшара (1996) и Бланшара и Кремера (1997), или из-за неблагоприятных стартовых условий, как утверждает Де Мело, Денизер, Гелб и Тенев (1997) и Берг, Боренштейн, Сахай и Зеттельмейер (1999), а не жесткой политики стабилизации²³.

Была проведена основательная предварительная работа с целью анализа относительного влияния стабилизации и структурных реформ на показатели роста²⁴. Чтобы быть более точными, обратимся к результатам регрессий, представленных в этих работах. Фактически во всех работах, где предпринимались попытки объяснить показатели роста, стандартный перечень объясняющих переменных включает переменные, описывающие стартовые условия, структурные реформы и макроэкономическую политику. Хотя и значимость переменных в группе различна в разных источниках, в целом анализ подтверждает, что рост идет тем быстрее, чем раньше приняты меры по макроэкономической стабилизации и чем более масштабны структурные реформы.

Более предпочтительно обратиться к результатам, представленным у Бергера, Боренштейна, Сахая и Зеттельмейера (далее как ББСЗ), чем пытаться основываться на эмпирических доказательствах. Этому существует три причины: во-первых, большинство моделей роста, представленных в названных работах, основываются на детализации; во-вторых, вводятся динамические эффекты объясняющих переменных; в-третьих, принимается во внимание различное влияние независимой переменной на объем производства государственного и частного секторов. Используя определенную детализацию и эконометрический подход от общего к частному, ББСЗ определяют доли «вклада» в темпы роста переменных стартовых условий, структурных реформ и макроэкономических переменных.

ББСЗ установили, что падение выпуска в первые годы переходного периода в значительной степени вызвано неблагоприятными стартовыми условиями и, в меньшей степени, макроэкономическим дисбалансом (бюджетным дефицитом и инфляцией). Важно, что не было найдено доказательств того, что проведение структурных реформ способствует падению объемов производства, даже в первые годы переходного периода. Если предположить, что реформы неодинаково влияют на частный и государственный сектор, то наблюдается значительное негативное влияние реформ на государственный сектор через два года после их начала; этот эффект, однако, перекрывается положительным воздействием реформ на частный сектор. В конечном счете, силой, приводящей к улучшениям, было признано влияние структурных реформ и, в некоторой степени, положительный эффект от жесткой макроэкономической политики. В отличие от предыдущих работ (Хейбей и Мюррель, 1999 и Вульф, 1997), где утверждалось, что скорость реформ не имеет значения, ББСЗ пришли к выводу, что в странах, быстрее проводящих реформы, улучшение наступает быстрее. Это согласуется с выводами Эсланда, Буне и Джонсона (1996).

ББСЗ также выяснили, что значительный первоначальный спад объемов производства в странах бывшего СССР в основном объясняется медленными структурными реформами и

²³ Вопросы, касающиеся кредитов, широко обсуждались в это время (см. Кальво и Френкель, 1991 и Кальво и Корицелли, 1992). Однако факторы предложения доминировали в ex-post анализе.

²⁴ См. Де Мело, Денизер и Гелб (1996), Фишер, Сахай и Вег (1996, 1997) Sachs (1996), Селовски и Мартин (1997), Эсланд, Буне и Джонсон (1996), Хернандес-Ката (1997), Гаврилишин, Изворски, и Рон ван Руден (1998), Вульф (1997), Херби и Муррель (1999), Берг, Боренштейн, Сахай и Зеттельмейер (1999).

в значительно меньшей степени – неблагоприятными стартовыми условиями²⁵. Аналогично, более медленный рост показателей в странах СНГ в последующие годы переходного периода в подавляющей степени обусловлен медленными структурными реформами. Заслуживает внимания тот факт, что Польша и Страны Балтии имели одни из наихудших стартовых условий (Таблица 1), но справились с ситуацией, так как провели хорошую политику макроэкономических и структурных реформ. В общем, неблагоприятные стартовые условия могут быть преодолены странами, принявшими антиинфляционную политику и осуществившими быстрые структурные реформы.

Результаты реформ, полученные в исследованиях, иллюстрируются следующими тремя регрессионными моделями, основанными на панельных данных, обновляемых до 1998 года (данные в других исследованиях, включая ББСЗ, ограничиваются 1996 годом или ранее)²⁶. Результаты регрессий следующие:

$$\text{Рост} = -7,51 * \text{WD} - 1,67 * \text{INF} - 0,16 * \text{FIS} + 10,38 * \text{LI} \quad (2)$$

(-3,41) (-4,46) (-2,21) (3,10)

Скорректированный $R^2=0,428$

Число наблюдений =164

$$\text{Рост} = -9,02 * \text{WD} - 1,06 * \text{INF} - 0,11 * \text{FIS} + 2,01 * \text{EBSM} + 5,98 * \text{EBLIB} \quad (3)$$

(-4,17) (-2,66) (-1,59) (2,79) (3,35)

Скорректированный $R^2=0,484$

Число наблюдений =164

$$\text{Рост} = -6,53 * \text{WD} - 1,68 * \text{INF} - 0,11 * \text{FIS} + 11,85 * \text{PS} \quad (4)$$

(-2,97) (-4,55) (-1,52) (3,15)

Скорректированный $R^2 = 0,443$

Число наблюдений =164

где рост – ежегодный рост ВВП, WD – фиктивная переменная войн, INF – натуральный логарифм инфляции, FIS – сальдо бюджета (излишек выражается положительным числом) в процентах от ВВП, LI – индекс либерализации по Де Мело, Денизеру и Гелбу (1996), EBSM – индекс малой приватизации ЕБРР, EBLIB – индекс либерализации цен ЕБРР, PS – доля частного сектора в ВВП, составленная ББСЗ. За первый год брался год начала переходного периода в каждой стране (см. сноску 3), и поэтому был различен по странам. Все объясняющие переменные были взяты с одинаковым лагом. t-статистика находится в круглых скобках.

Все регрессии содержат объясняющие переменные двух типов (за исключением переменной войны, которая в значительной степени является переменной «стартовых условий»). Это переменные макроэкономической политики (инфляция и баланс бюджета) и переменные структурных реформ, определяемые индексом либерализации в уравнении (2), индексом ЕБРР в уравнении (3), и долей частного сектора в уравнении (4). Переменные макроэкономической политики были одинаковы в трех уравнениях, а переменные структурных реформ менялись в зависимости от используемого источника²⁷.

²⁵ При использовании качественно различных подходов, это подтверждается выводами Ди Брозка и Козна (1999). Ди Брозк и Козн рассчитали вклад общефакторной производительности (TFP) и факторов производства в объяснение показателей выпуска в 15 странах бывш СССР. В работе установлено, что падение TPF, вдобавок к отрицательному эффекту от роста безработицы и уменьшения капитальных инвестиций, также вносит вклад в резкое падение объемов производства в первые годы переходного периода. Фактически, график роста TPF имеет V-образную форму, с положительным наклоном начиная с 1995-96, когда рост ВВП, в общем, возобновился.

²⁶ Годичные данные стали использоваться, начиная годом старта реформ для каждой страны, и заканчивая 1998 годом. Поэтому панельная выборка несбалансированна.

²⁷ При детализации уравнения (3), первоначально использовались все восемь переменных ЕБРР, но только

Все три результата подтверждают, что антиинфляционная политика и структурные реформы благоприятствуют росту. Более того, уравнение (4) показывает, что из различных структурных и институциональных переменных (см. сноску 28), составленных ЕБРР, либерализация цен и малая приватизация влияют на рост в большей степени, чем крупная приватизация и другие переменные. Влияние баланса бюджета не так очевидно. Баланс бюджета не является значимым в уравнениях (3) и (4), хотя в уравнении (2), он значим, что может быть объяснено тем, что рост, обеспечиваемый инфляцией неконтролируем. Тем не менее, мы не будем подробно останавливаться на фискальной переменной по причинам, описанным ранее, и связанным с проблемами измерения. Общие выводы, полученные при анализе регрессий, соответствуют выводам более ранних исследований.

4. Подводя итоги

Опыт, накопленный за последнее десятилетие, оцениваемый либо без формализации, либо при помощи данных, графиков и регрессий, говорит в пользу того, что наиболее успешно развивались те переходные экономики, которые предприняли как стабилизацию, так и всесторонние реформы. Больше быстрых реформ – это лучше, чем меньше медленных.

В этом разделе мы кратко рассмотрим несколько спорных вопросов, вызванных процессом трансформации в 25 странах, рассмотренных в работе: случай Беларуси и Узбекистана; роль приватизации; власть, роль институтов и коррупции; роль внешней поддержки; случай России; и, вкратце, подтверждения основной парадигмы успешности реформ, что определяет, как скоро страна примет необходимые реформы²⁸.

Узбекистан и Беларусь

Показатели объемов производства в Узбекистане и Беларуси (см. Рисунок 1) являются как бы вызовом традиционной схеме перехода. В обеих странах был сравнительно небольшой спад производства в первые переходные годы, и наблюдалось оживление уже в 1995 году, несмотря на то, что процесс стабилизации и реформ протекает медленно. Ясно, что и в Узбекистане, и в Беларуси переходный период едва начался.

Случай Узбекистана был изучен Зеттельмейером (1999). Для разрешения «узбекской загадки» он использовал методологию ББСЗ. Зеттельмейер нашел, что начальное падение производства в Узбекистане было небольшим благодаря особо благоприятным условиям. Этот фактор обычно решающим образом влияет на подъем производства в первые годы перехода. Этими благоприятными условиями являются низкая степень индустриализации, важное место производства хлопка и практически самообеспеченность энергоресурсами. Помимо позитивного влияния того обстоятельства, что сектор услуг был небольшим (а это характерно для всех стран), подъем явился следствием жесткого государственного контроля наряду с субсидиями, которые обеспечивались в основном за счет экспорта хлопка и производства энергии для внутренних нужд. Эти два фактора – экспорт хлопка и самообеспечение энергией – смягчили влияние внешнего финансового давления, которое испытывали другие азиатские страны такого же уровня развития. Следует также иметь в виду, что с начала периода восстановления рост производства в Узбекистане в среднем составляет лишь 2,3% в год, а это меньше, чем в среднем для стран СНГ (Таблица 1).

Поскольку мы не встретили ни одного опубликованного исследования причин относительно небольшого спада выпуска в Беларуси, основным объяснением белорусских пока-

две из них оказались значимыми и представлены в уравнении (3). Вот эти восемь переменных: индекс малой приватизации, индекс крупной приватизации, индекс реструктуризации предприятий, индекс либерализации цен, индекс торговли и обменного курса, индекс политики в отношении конкуренции, индекс банковских реформ, индекс рынка ценных бумаг.

²⁸ Мы не включаем широко обсуждаемый вопрос расхождения стратегии трансформации и результатов в Китае и в Бывшем советском блоке. По этому вопросу см. Сакс и Винг Вай Ву (1994), с кем я концептуально согласен.

зателей роста являются ее тесные торговые связи с Россией²⁹. В течение всего переходного периода Беларусь продолжала экспорт потребительских товаров в Россию, что помогло сохранить производство. Однако белорусская экономика испытала сильнейший шок из-за российского кризиса августа 1998 года. Резко упало производство, инфляция в июле 1999 года составила 350% (в годовом выражении). Беларусь, как и Узбекистан, пыталась обособиться, следуя протекционистской и активной промышленной политике. Кроме того, с целью стимулирования спроса и создания дополнительных рабочих мест, производились инвестиции в жилищное строительство.

Становится очевидным, что, вероятнее всего, в обеих странах такая политика не сможет обеспечить поступательный рост производства и этим странам придется начать реформы, которые были предприняты несколько лет назад другими странами. При этом есть основания предполагать, что рост производства там будет более медленным, чем в странах, которые проводят более широкие реформы.

Приватизация

Статистические данные свидетельствуют, что приватизация является ключевым элементом в процессе реформ (см. регрессии, представленные ранее). Неллиз (1999), Стиглиц (1999), а также Грэй, Хассел и Рапашински (1999) высказали в отношении приватизации несколько идей, наводящих на размышления. Учитывая, что по своей природе этот процесс непрерывно требует времени, в большинстве стран приватизация проходила относительно быстрыми темпами (Таблица 4), независимо от того, касалось это государственных предприятий или возникновения нового сектора. Некоторые страны избрали путь массовой приватизации с использованием ваучеров (Чехия и Россия), в то время как другие захотели и смогли пойти путем индивидуальной продажи отдельных предприятий (Венгрия и Польша).

Можно сделать некоторые выводы. Внутренняя приватизация, либо контролируемая трудовыми коллективами (как в бывшей Югославии), либо администрацией (как в России), не привела к самореструктуризации предприятий, как это ожидалось (Фридман и Рапашински (1994), Фридман и др. (1999)). Приватизация малых предприятий (либо с помощью ваучеров, либо путем продажи внешним покупателям) в основном оказалась успешной.³⁰ Производительность на частных предприятиях выше, чем на государственных, даже с учетом того факта, что первыми были приватизированы лучшие предприятия. Приватизированные компании были более производительными, чем государственные, для всех выборок. Результаты исследований в Эстонии подтверждают более продуктивную работу приватизированных фирм по сравнению с государственными, опыт Словении и Чехии говорит и о том, что принадлежащие иностранцам фирмы имеют лучшие показатели по сравнению с теми, которые были приватизированы местными гражданами. В то время, когда реструктуризация перед приватизацией имела успех в Польше, того же самого нельзя сказать о Румынии.

Это подтверждает то, что стратегия, предложенная на Рисунке 6, когда быстро приватизируются мелкие предприятия, а затем не столь быстро более крупные, может считаться успешной при условии, если последние приватизируются путем продажи. Например, относительно медленный, индивидуализированный венгерский вариант представляется более удачным, чем относительно быстрая ваучерная схема Чехии. Извлекая определенные уроки из накопленного опыта, те страны, у которых еще есть что приватизировать, действуют очень последовательно, прибегая к содействию зарубежных финансовых советников на каждом шагу этого процесса, как это делают в Румынии и Узбекистане (Неллиз, 1999).

²⁹ Мы благодарны Тому Вульффу за его познания в белорусском вопросе.

³⁰ Даже в России, как показывают Барберис, Бойко, Шлейфер и Цуканова, при приватизации мелких магазинов существует прибыль от реструктуризации.

Государственное управление

Общеизвестно, что рыночная экономика требует соответствующей институциональной инфраструктуры – свода законов, постановлений, правил бухгалтерского учета и так далее, а также структур для обеспечения (включая юридическое) своего функционирования. Необходимость правовой реформы в сфере экономики, создания финансового рынка, центрального банка и эффективной финансовой системы и другие аспекты современного управления – все это повсеместно признавалось с самого начала процесса перехода. Значительная техническая помощь во всем, что относилось к этому, была предоставлена международными финансовыми институтами всем странам с переходной экономикой. Результаты, однако, разительно отличались по странам, поскольку для одних стран традиционные проблемы коррупции и власти, для других они не столь значимы.

Не вызывает сомнений, что отсутствие твердой законодательной основы препятствовало росту экономики. Особенно это сказалось на уменьшении иностранных инвестиций, но также, что не менее важно, на сокращении внутренних инвестиций. Все это способствовало оттоку капитала. Решение перечисленных проблем зависит полностью от внутренней политики, однако внешняя помощь в том, что касается поощрения прозрачности экономики, укрепления рыночных институтов и создания условий для расширения такой помощи, может быть полезной. Мы также должны надеяться на то, что точно такой же процесс, какой подорвал поддержку коммунистической системы, когда люди увидели, что рыночная экономика работает лучше, создаст соответствующую политическую атмосферу против коррупции, когда люди поймут, что коррупция не только аморальна и противозаконна, но и препятствует экономическому росту. Вероятность именно такого развития выше в более демократических и более открытых политических системах.

Роль внешней помощи

Анализ подтверждает, что на ранней стадии иностранная помощь способствовала поддержанию реформ, однако одной этой помощи было недостаточно. Коренный вопрос заключается в том, какие критерии следует принять, чтобы судить об эффективности помощи извне. Международные финансовые институты предоставляемую помощь оговаривают определенными условиями, однако исследования показывают, что программы работают более эффективно, если находятся в полном распоряжении страны, осуществляющей реформы. Вопрос о том, насколько следовало бы увеличить помощь переходным экономикам (особенно это относится к странам бывшего СССР), чтобы реформы двинулись вперед более быстрыми темпами, остается открытым, и ответа на него пока нет. Аналогия с Планом Маршалла не совсем корректна, так как сразу после Второй мировой войны готовность и способность Западной Европы к восприятию помощи была определено намного большей, чем переходных экономик начала 1990-х годов.

Рисунки 7 и 8 также свидетельствуют о том, что иностранные частные инвестиции способствовали подъему экономики только в тех странах, где успешно проходили стабилизация и реформы, где были созданы благоприятные условия для быстрых реформ.

Россия

Российский опыт реформ стоит особняком и является уникальным. Принимая во внимание размеры и мощь России, это неизбежно. Ключевой вопрос заключается в том, почему, несмотря на столь обещающее начало в 1992 году, быструю приватизацию в 1994-1995 годах и стабилизацию в 1995 году, процесс последовательных реформ замедлился и остановился? Индексы структурных реформ из Таблицы 4 свидетельствуют о том, что Россия запаздывала с их проведением. В значительной мере это объясняется тем, что после президентских выборов 1996 года реформы остановились. Выборы усилили влияние на власть и экономику предпринимателей, состояния которых были созданы за счет финансовой спекуляции и биржевой игры. Все это проходило на фоне углубляющейся корруп-

ции. Как и многие страны, Россия пострадала от изменения мировых цен на нефть. В конечном же счете она страдает от обладания нефтью – этим готовым, не требующим больших производственных усилий источником богатства.³¹

Неудача России в решении своих финансовых проблем в сочетании с легким доступом к внешнему капиталу, особенно в 1997 году, и продолжавшийся отток капитала привели к чрезмерно большому бюджетному дефициту и значительной задолженности по краткосрочным займам (размер этой задолженности, однако, не был столь большим по отношению к ВВП). Когда внешние условия сложились неблагоприятно (падение мировых цен на нефть и ухудшение ситуации с иностранными заимствованиями при слабой банковской системе и предельно негибком обменном курсе), предотвратить финансовый коллапс уже было невозможно. Если бы реформы проводились энергично с 1996 года, коллапса можно было бы избежать.

Сегодня вопрос стоит так: когда политическая система придет к выводу, что реформы следует возобновить. При этом улучшения в госуправлении будут важной и значительной частью этого решения. Вселяет надежду то, что, несмотря на крах 1998 года, российское правительство не повернуло обратно и продолжает поддерживать экономические и финансовые отношения с остальным промышленным миром.

Что определяет показатели реформ?

Вновь и вновь оценивая изменения в экономике, которые происходили в течение прошедших десяти лет, возникает вопрос, что же определяет тот момент, когда страна вступает на путь трансформации и начинает реформы. Это хорошо видно из анализа опыта России. Это хорошо видно и из приведенного в данной статье регрессионного анализа – как статистический показатель, используемый при объяснении характеристик выпуска, стартовые условия могут дать достаточно много, но, тем не менее, поведение выпуска также может быть объяснено степенью стабилизации и реформ. Этим подтверждается то, что степень реформирования тесно коррелирует со стартовыми условиями – реформаторами являются те, кто находится ближе к Западной Европе, кто меньше времени жил при коммунизме, кто был более продвинутым в экономическом отношении перед тем, как попасть под советский контроль, или перед началом переходного периода. Это объясняет многое, но не все – например, из-за существования как быстрых, так и медленных реформаторов в ЦВЕ.

Для многих стран перспектива присоединения к Европейскому союзу является сильным стимулом для реформирования. Отсутствие этой перспективы у стран СНГ (может быть, за исключением Украины) негативно влияет на продвижение реформ.

Выгоды успешного прохождения переходного периода должны быть ясны сегодня. Тем, кто выступает за реформы в отстающих странах, и тем, кто будет поддерживать эти реформы извне, важно найти такие стимулы, которые бы их объединили.

Перевод М. Батурчик, А Чубрик

³¹ Для развития дискуссий об экономических проблемах в России, см. также Фишер (1992), Бойко, Шлейфер и Вишни (1993), Эсланд (1996), Буне и Федоров (1997) и Брайнард (1998).

Таблица 1. Переходные экономики: показатели объема производства. 1989-1998 гг.

Страны	Падение объема производства до низшего уровня (1989=100%) ¹	Год, когда выпуск достиг низшей точки ¹	Рост объема производства по отношению к низшему уровню ²	Среднегодовой прирост объема производства по отношению к низшему уровню	Год максимального объема производства ¹	Отношение объема производства в 1998 году к объему производства в ТТ-1 ¹	Отношение объема производства в ТТ+6 к объему производства в ТТ-1
Албания	39,9	1992	43,0	6,3	1989	0,96	0,88
Армения	65,1	1993	29,7	5,4	1989	0,53	0,53
Азербайджан	63,1	1995	17,8	5,4	1989	0,50	0,50
Беларусь	36,9	1995	24,0	7,0	1989	0,81	0,81
Болгария	36,8	1997	4,0	4,0	1989	0,72	0,70
Хорватия	37,7	1993	30,8	3,1	1989	0,82	0,75
Чешская Республика	15,4	1992	12,8	2,0	1989	0,97	0,99
Эстония	36,4	1994	25,7	4,3	1989	0,89	0,89
Грузия	74,6	1994	30,6	6,7	1989	0,48	0,48
Венгрия	18,1	1993	16,3	3,0	1989	0,95	0,87
Казахстан	40,0	1998	0,0	NA	1989	0,69	0,69
Кыргызстан	50,4	1995	20,1	4,6	1989	0,66	0,66
Латвия	52,8	1993	17,0	3,0	1989	0,64	0,64
Литва	40,8	1994	19,8	4,5	1990	0,71	0,71
Македония (БРЮ)	46,8	1995	7,4	2,5	1989	0,57	0,54
Молдавия	66,3	1998	0,0	NA	1989	0,42	0,42
Польша	13,6	1991	42,6	5,2	1998	1,23	1,10
Румыния	26,7	1992	3,4	0,7	1989	0,82	0,87
Россия	45,1	1998	0,0	NA	1989	0,61	0,61
Словацкая Республика	24,7	1993	32,9	5,7	1998	1,00	0,96
Словения	20,4	1992	25,4	3,8	1989	1,00	0,93
Таджикистан	74,0	1996	7,1	3,7	1989	0,45	0,45
Туркменистан	59,5	1997	4,5	4,5	1989	0,45	0,45
Украина	63,8	1997	0,8	0,8	1989	0,42	0,42
Узбекистан	14,4	1995	7,0	2,3	1990	0,88	0,88
Общая информация ³							
Все страны переходных экономик	41,8	1993	17,0	4,0	1989	0,7	0,7
Все страны ЦВЕ	28,0	1992	21,9	3,6	1989	0,9	0,9
ЦВЕ - ранние реформаторы	21,6	1993	26,8	3,8	1989	0,9	1,0
ЦВЕ - поздние реформаторы	37,5	1992	14,5	3,4	1989	0,7	0,8
Прибалтика	43,3	1994	20,8	3,9	1989	0,7	0,7
Страны СНГ	54,4	1995	11,8	4,5	1989	0,6	0,6

¹ Падение выпуска – с 1989 года до его минимального значения. Для стран, где рост еще не начался, годом минимального выпуска считается 1998. Выпуск – это среднегодовые значения ВВП.

² Низшим уровнем выпуска считается минимальный выпуск на отрезке между 1989-1998.

³ ЦВЕ: к ранним реформаторам относятся Хорватия, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия и Словения. Поздние реформаторы: Албания, Болгария, Македония и Румыния. Прибалтика: Литва, Латвия, Эстония.

Таблица 2. Переходные экономики: программы стабилизации и показатели инфляции, 1989-1998 гг.

Страны	Дата принятия стабилизационной программы	Инфляция до принятия программы ¹	Принятый режим валютного курса ²	Максимальная инфляция в год	Год максимальной инфляции	Год падения до уровня ниже 50%	Режим валютного курса на сегодня ²	Инфляция в 1998 году
Албания	Авг. 1992	293	Плавающ.	237	1992	1993	Плавающ.	8,7
Армения	Дек. 1994	1885	Плавающ./Фикс. ⁴	10896	1993	1995	Плавающ.	-1,2
Азербайджан	Янв. 1995	1651	Плавающ./Фикс. ⁴	1787	1994	1996	Плавающ.	-7,6
Беларусь	Ноя. 1994 ³	2180	Плавающ./Фикс. ⁴	1997	1993*	1996	Плавающ.	181,7
Болгария	Фев. 1991 ³	245	Плавающ.	579	1997	1998	Фикс. ⁵	1,0
Хорватия	Окт. 1993	1903	Фикс.	2585	1989	1994	Плавающ.	5,3
Чешская Республика	Янв. 1991	46	Фикс.	52	1991	1992	Плавающ.	6,8
Эстония	Июн. 1992	1086	Фикс.	947	1992	1993	Фикс. ⁵	4,5
Грузия	Сен. 1994	56476	Плавающ./Фикс. ⁴	7486	1993	1996	Плавающ.	10,6
Венгрия	Мар. 1990	26	Фикс.	35	1990	NA	Плавающ.	10,6
Казахстан	Янв. 1994	2315	Плавающ./Фикс. ⁴	2961	1992.	1996	Плавающ.	1,9
Кыргызстан	Май 1993	934	Плавающ./Фикс. ⁶	958	1992	1993	Плавающ.	18,3
Латвия	Июн. 1992	818	Плавающ./Фикс. ⁵	1162	1992	1993	Фикс.	2,8
Литва	Июн. 1992	709	Плавающ./Фикс.	1162	1992	1994	Фикс. ⁵	2,4
Македония (БРЮ)	Янв. 1994	248	Фикс.	1780	1992	1995	Плавающ.	-2,4
Молдавия	Сен. 1993	1090	Плавающ.	2198	1992	1995	Плавающ.	18,2
Польша	Янв. 1990	1096	Фикс.	640	1989	1992	Плавающ.	8,5
Румыния	Окт. 1993 ³	314	Плавающ.	295	1993	1995	Плавающ.	40,6
Россия	Апр. 1995 ³	218	Плавающ./Фикс. ⁶	2510	1992	1996	Плавающ.	84,4
Словацкая Республика	Янв. 1991	46	Фикс.	58	1991	1990	Фикс.	5,6
Словения	Фев. 1992	288	Плавающ.	247	1991	1993	Плавающ.	7,
Таджикистан	Фев. 1995 ³	73	Плавающ.	7344	1993	1994	Плавающ.	2,7
Туркменистан	Не начата	20	Не устанавливался	9743	1993	1997	Плавающ.	19,8
Украина	Ноя. 1994	645	Плавающ./Фикс. ⁵	10155	1993	1990	Плавающ.	20,0
Узбекистан	Ноя. 1994	1555	Плавающ.	1281	1994	1996	Плавающ.	26,1
<u>Общая информация</u> ⁷								
Все страны с переходной экономикой		820		2764	1992	1996		19,1
Все страны ЦВЕ		450		651	1991	1993		9,2
ЦВЕ - ранние реформаторы		567		603	1991	1992		7,4
ЦВЕ - поздние реформаторы		275		723	1992	1995		12,0
Страны Балтии		871		1091	1992	1993		3,2
Страны СНГ		1142		4943	1993	1996		31,2

* В 1999 году инфляция в Беларуси составила 251,3%

¹ Предпрограммная инфляция – инфляция за 12 месяцев до месяца начала стабилизационной программы.

² Фиксированные режимы: валютный комитет, привязка (явная или неявная) и валютный коридор. Плавающие режимы – свободное или управляемое плавание.

³ Дата первых попыток стабилизации.

⁴ В 1995 году эти страны установили фактическую привязку к доллару.

⁵ Валютный комитет. Литва применила валютный комитет в апреле 1994, Болгария – в июле 1997.

⁶ В феврале 1994 года Латвийская валюта была привязана к СПЗ (SDR). Литва применила валютный комитет в апреле 1994. Россия использовала валютный коридор в июле 1995. Во всех трех странах до описанного времени существовал режим плавающего курса.

⁷ ЦВЕ: к ранним реформаторам относятся Хорватия, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия и Словения. Поздние реформаторы: Албания, Болгария, Македония и Румыния. Прибалтика: Литва, Латвия, Эстония.

Таблица 3. Страны с переходной экономикой: стартовые условия

Страна	ВВП в 1989, по ППС ¹	Доля внешней торговли со странами СЭВ в ВВП, 1990 ²	Доля сельского хозяйства ³	Обеспеченность минеральными ресурсами ⁴	Количество лет при социализме	Внешний долг в пред-реформенный год, % ВВП	Коэффициент вовлеченности в среднее образование в пред-реформенном году (% от достигших школьного возраста)
Албания	629	102	26	0	45	36.9	78
Азербайджан	2466	33	22	2	75	0.0	90
Армения	2453	21	11	0	74	0.0	-
Беларусь	6667	45	22	0	75	0.1	92
Болгария	5740	15	11	0	43	50.6	75
Венгрия	6081	10	14	0	41	64.0	75
Грузия	2203	19	22	1	70	0.0	89
Казахстан	4133	18	29	2	75	0.0	96
Кыргызстан	2770	21	33	0	75	0.0	99
Латвия	5204	31	19	0	51	0.0	89
Литва	3603	34	27	0	51	0.2	88
Македония	3720	6	12	0	44	0.0	57
Молдова	3562	25	32	0	52	0.0	77
Польша	5687	17	13	1	42	63.4	82
Россия	5627	18	15	2	74	12.1	91
Румыния	3535	3	14	1	43	2.9	92
Словакия	6969	10	7	0	43	6.8	96
Словения	11525	5	5	0	44	0.0	90
Таджикистан	1778	22	27	0	75	8.6	101
Туркменистан	3308	34	29	2	75	0.0	-
Узбекистан	2577	24	31	1	75	0.0	98
Украина	4658	25	21	1	75	0.0	91
Хорватия	6919	6	10	0	44	74.7	85
Чехия	8207	10	7	0	43	12.2	91
Эстония	6475	27	20	0	51	0.0	100
Общая информация ⁵							
Все страны с переходной экономикой	4660	23	1	2087	58	13,3	0,88
Все страны ЦВЕ	5901	18	0	1134	43	31,1	0,82
ЦВЕ - ранние реформаторы	7565	9	0	851	43	36,8	0,87
ЦВЕ - поздние реформаторы	3406	32	0	1557	44	22,6	0,76
Страны Балтии	5094	31	0	1347	51	0,1	0,93
Страны СНГ	3517	25	1	3066	73	1,7	0,92

Источник: World Development Indicator, World Economic Outlook, de Melo, Deziner, Gelb & Tenev (DDGT) World Bank Working Paper, WB WP 1866 (1997); and Kravnyak & Zettelmeyer (1995).

¹ Вычисляется делением ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на все население.

² Доля от торговли внутри бывшего СССР.

³ Доля сельского хозяйства в 1989 по DDGT.

⁴ Обеспеченность природными ресурсами по DDGT (1997): 0 = плохая, 1 = умеренная и 2 = страна богата природными ресурсами.

⁵ ЦВЕ: к ранним реформаторам относятся Хорватия, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия и Словения. Поздние реформаторы: Албания, Болгария, Македония и Румыния. Прибалтика: Литва, Латвия, Эстония.

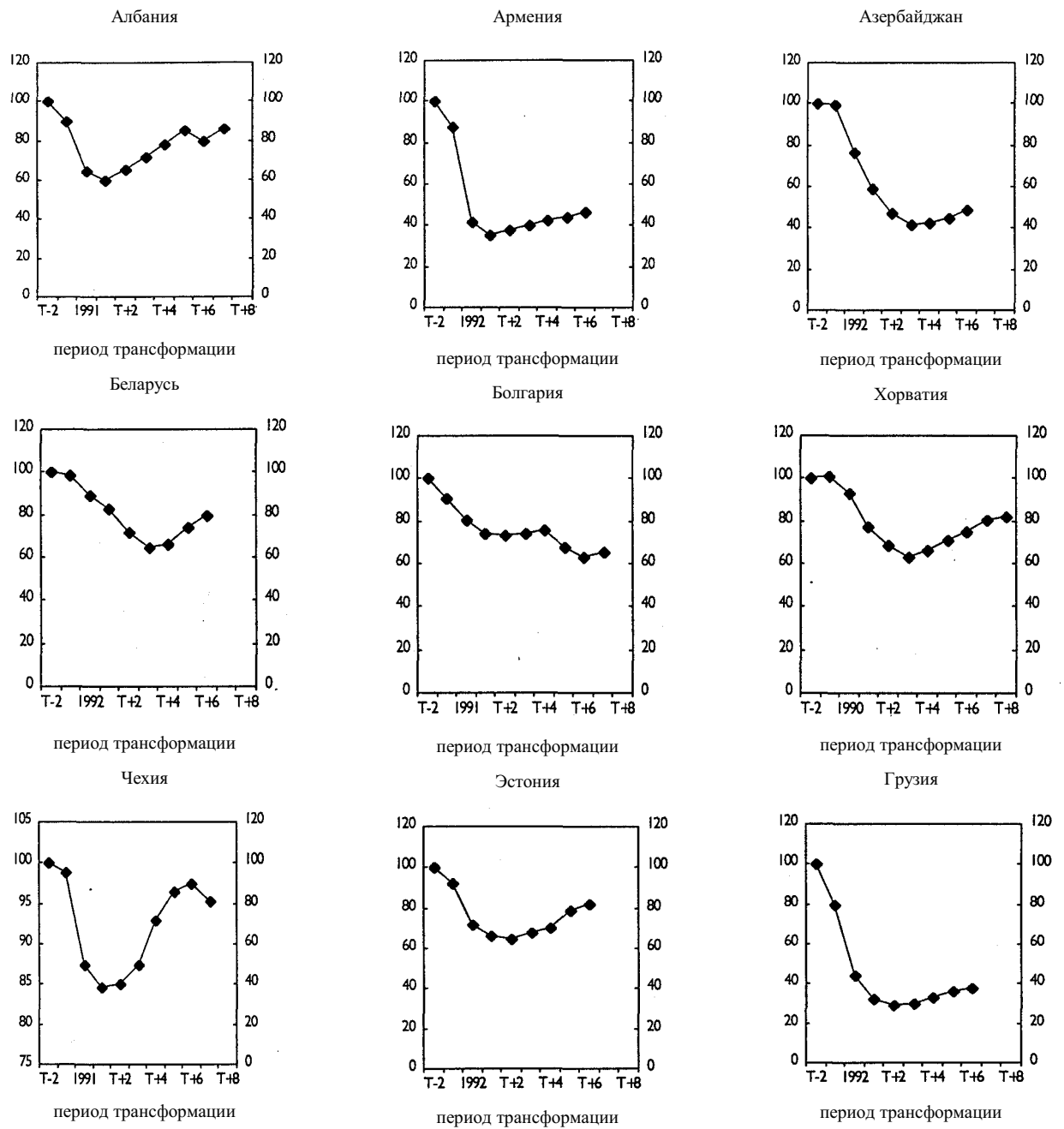
Страна	Год	Индекс либерализации, нарастающим итогом	Индекс либерализации	Индекс состояния частного сектора	Индекс внешней либерализации	Индекс внутренней либерализации	Доля частного сектора в ВВП	Уровень безработицы
		CLI	$LI=0.4LIP+0.3LIE+0.3LII$	LIP	LIE	LII	PSDCSD	
Азербайджан	1989-94	0.4	0.2	0.1	0.1	0.3	14.0	10.0
	1995-97	2.0	0.5	0.3	0.5	0.7	25.0	12.2
Албания	1989-94	0.8	0.4	0.2	0.5	0.5	26.0	15.5
	1995-97	3.8	0.8	0.5	0.9	0.9	67.5	13.5
Армения	1989-94	0.6	0.2	0.2	0.2	0.3	30.1	4.9
	1995-97	2.7	0.7	0.5	0.9	0.7	47.5	8.9
Беларусь	1989-94	0.4	0.2	0.2	0.2	0.2	11.1	1.0
	1995-97	1.9	0.4	0.2	0.4	0.7	15.0	3.1
Болгария	1989-94	1.4	0.5	0.2	0.7	0.6	22.5	8.8
	1995-97	4.1	0.6	0.5	0.8	0.6	37.5	12.1
Венгрия	1989-94	2.6	0.7	0.5	0.8	0.8	38.4	8.5
	1995-97	6.5	0.9	0.9	1.0	0.9	65.0	11.4
Грузия	1989-94	0.6	0.2	0.2	0.2	0.3	17.9	n.a.
	1995-97	2.5	0.6	0.5	0.6	0.7	40.0	n.a.
Казахстан	1989-94	0.5	0.2	0.2	0.2	0.3	11.5	0.5
	1995-97	2.6	0.7	0.5	0.9	0.8	32.5	3.1
Кыргызстан	1989-94	0.6	0.3	0.3	0.3	0.3	18.5	n.a.
	1995-97	3.4	0.8	0.7	1.0	0.8	45.0	n.a.
Латвия	1989-94	1.0	0.4	0.3	0.4	0.6	32.8	4.5
	1995-97	4.1	0.9	0.7	1.0	0.9	61.0	6.9
Литва	1989-94	1.1	0.5	0.4	0.4	0.6	30.6	2.0
	1995-97	4.5	0.9	0.8	1.0	0.8	60.0	6.4
Македония	1989-94	2.4	0.7	0.5	0.8	0.8	22.9	n.a.
	1995-97	5.9	0.8	0.7	0.9	0.9	45.0	34.0
Молдова	1989-94	0.6	0.3	0.2	0.3	0.3	14.8	8.4
	1995-97	3.0	0.7	0.5	0.8	0.8	35.0	13.1
Польша	1989-94	2.4	0.7	0.6	0.8	0.7	40.7	12.8
	1995-97	6.2	0.9	0.8	1.0	0.9	59.0	13.0
Россия	1989-94	0.7	0.3	0.3	0.3	0.4	28.1	2.1
	1995-97	3.4	0.7	0.6	1.0	0.7	59.0	9.2
Румыния	1989-94	0.9	0.4	0.3	0.4	0.4	26.6	6.0
	1995-97	3.6	0.7	0.6	0.8	0.8	47.5	8.4
Словакия	1989-94	1.5	0.6	0.6	0.6	0.6	31.3	7.1
	1995-97	5.2	0.9	0.8	0.9	0.9	64.5	13.1
Словения	1989-94	2.6	0.7	0.5	0.8	0.8	20.2	9.7
	1995-97	6.2	0.9	0.7	1.0	0.9	42.5	14.1
Таджикистан	1989-94	0.4	0.2	0.2	0.0	0.3	11.9	0.6
	1995-97	1.7	0.4	0.3	0.3	0.6	17.5	2.5
Туркменистан	1989-94	0.3	0.1	0.1	0.1	0.2	12.1	n.a.
	1995-97	1.1	0.3	0.2	0.2	0.4	17.5	n.a.
Узбекистан	1989-94	0.4	0.2	0.2	0.1	0.2	14.6	0.3
	1995-97	2.2	0.5	0.5	0.5	0.6	35.0	0.4
Украина	1989-94	0.3	0.1	0.1	0.1	0.2	21.3	0.4
	1995-97	1.9	0.5	0.4	0.6	0.7	39.3	1.1
Хорватия	1989-94	2.5	0.7	0.5	0.7	0.8	27.6	12.5
	1995-97	6.1	0.9	0.7	1.0	0.9	49.5	16.1
Чехия	1989-94	1.5	0.6	0.6	0.6	0.6	31.9	2.5
	1995-97	5.5	0.9	0.9	1.0	0.9	72.5	3.5
Эстония	1989-94	1.2	0.5	0.4	0.5	0.6	32.4	5.4
	1995-97	4.8	0.9	0.9	1.0	0.9	65.0	10.0
Общая информация ¹								

¹ ЦВЕ: к ранним реформаторам относятся Хорватия, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия и Словения. Поздние реформаторы: Албания, Болгария, Македония и Румыния. Прибалтика: Литва, Латвия, Эстония.

Страна	Год	Индекс либерализации, нарастающим итогом	Индекс либерализации	Индекс состояния частного сектора	Индекс внешней либерализации	Индекс внутренней либерализации	Доля частного сектора в ВВП	Уровень безработицы
		CLI	$LI=0.4LIP+0.3LIE+0.3LI$	LIP	LIE	LI	PSDCSD	
Все страны с переходной экономикой	1989-94	1.1	0.4	0.3	0.4	0.5	22.7	5.9
	1995-97	3.8	0.7	0.6	0.8	0.8	45.8	9.8
ЦВЕ	1989-94	1.9	0.6	0.5	0.7	0.7	28.6	9.3
	1995-97	5.3	0.8	0.7	0.9	0.9	55.1	13.9
ЦВЕ - ранние реформаторы	1989-94	2.2	0.7	0.6	0.7	0.7	31.7	8.8
	1995-97	5.9	0.9	0.8	1.0	0.9	58.8	11.8
ЦВЕ - поздние реформаторы	1989-94	1.4	0.5	0.3	0.6	0.6	23.9	10.1
	1995-97	4.3	0.7	0.5	0.9	0.8	49.4	17.0
Страны Балтии	1989-94	1.1	0.5	0.4	0.5	0.6	32.0	4.0
	1995-97	4.5	0.9	0.8	1.0	0.9	62.0	7.8
Страны СНГ	1989-94	0.6	0.3	0.2	0.2	0.3	20.1	3.1
	1995-97	2.8	0.6	0.5	0.7	0.7	39.6	6.0

Источник: Международный валютный фонд; de Melo, Deziner, Gelb & Tenev (DDGT) World Bank Working Paper, WB WP 1/96

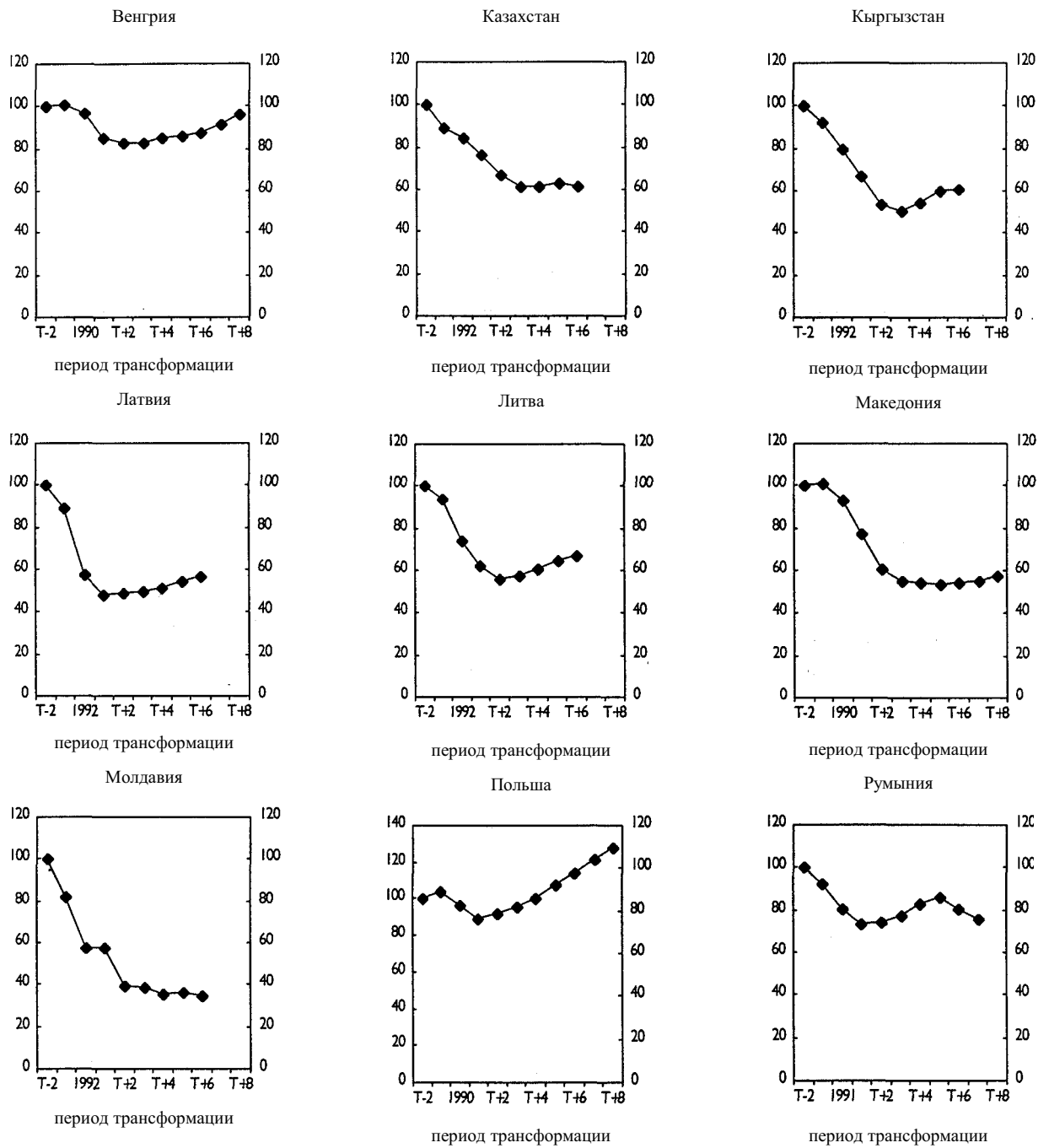
Рисунок 1. Индекс ВВП за период трансформации [1] [T-2=1]

Источник: Международный валютный фонд

[1] Период трансформации начинается с года устранения централизованного планирования

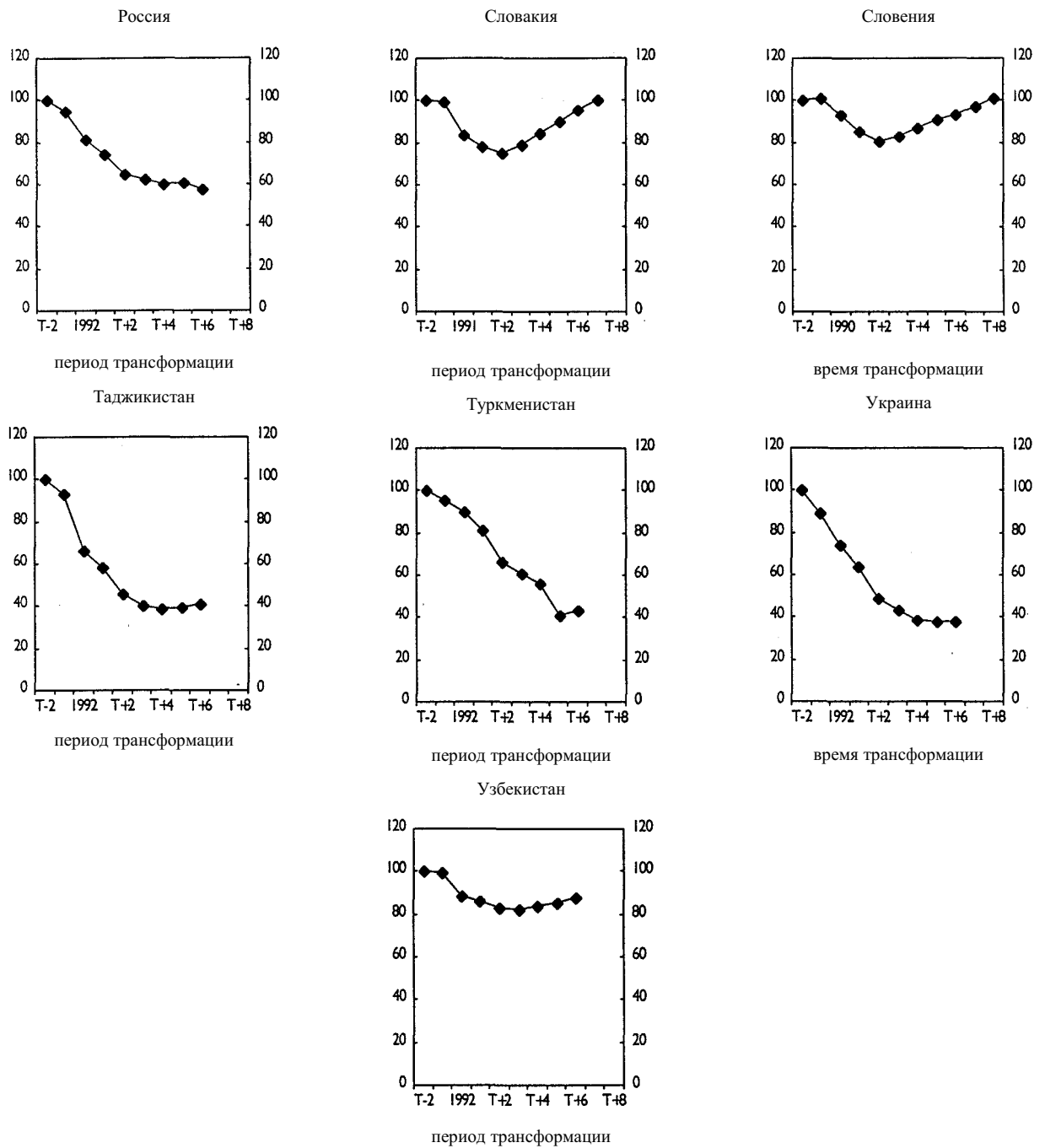
Рисунок 1 (продолжение). Индекс ВВП за период трансформации [1] [T-2=1]

Источник: Международный валютный фонд

[1] Период трансформации начинается с года устранения централизованного планирования

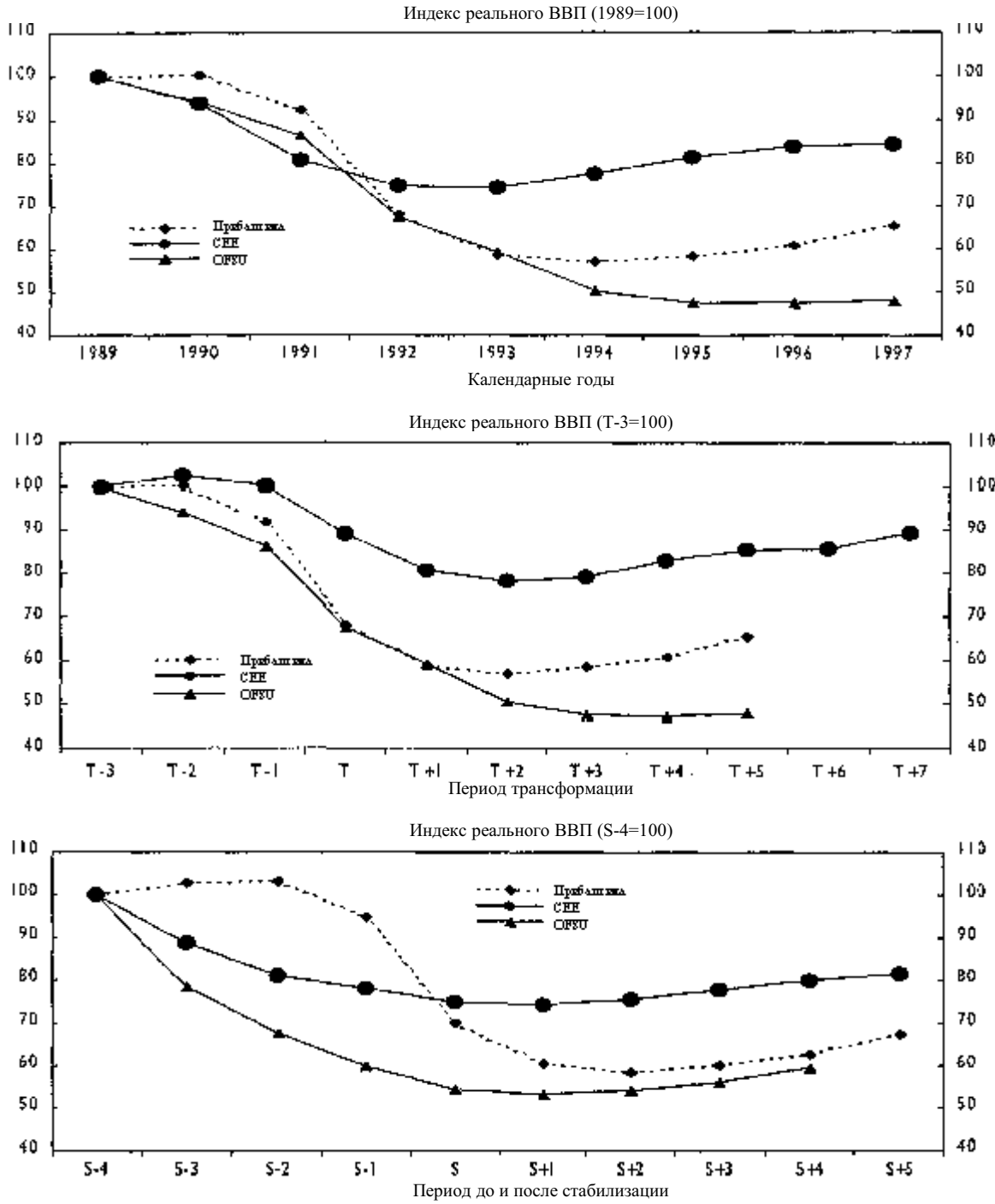
Рисунок 1 (заключение). Индекс ВВП за период трансформации [1] [T-2=1]

Источник: Международный валютный фонд

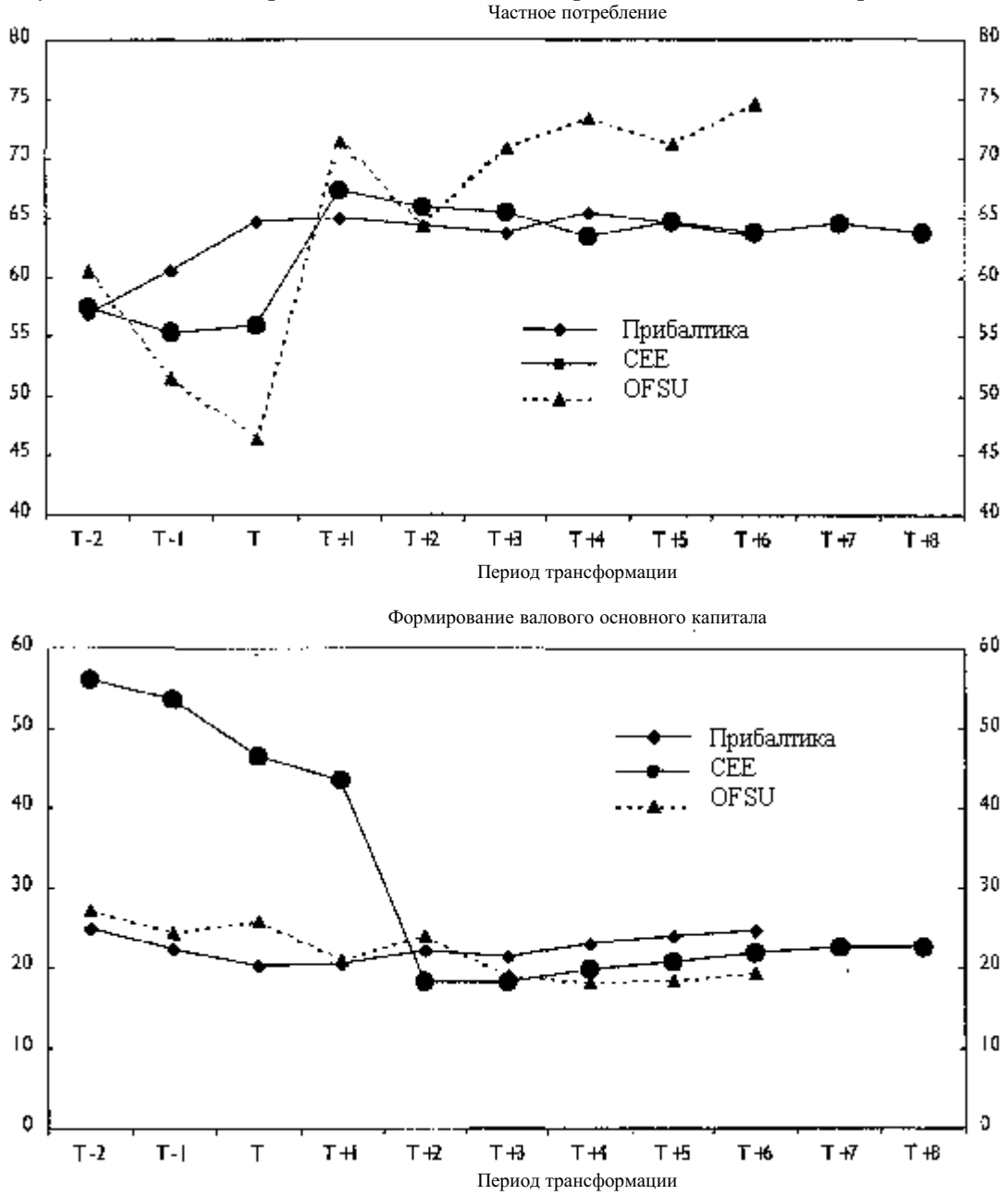
[1] Время трансформации начинается с года устранения централизованного планирования

Рисунок 2. Выпуск в переходных экономиках, Индекс реального ВВП (1989=100)

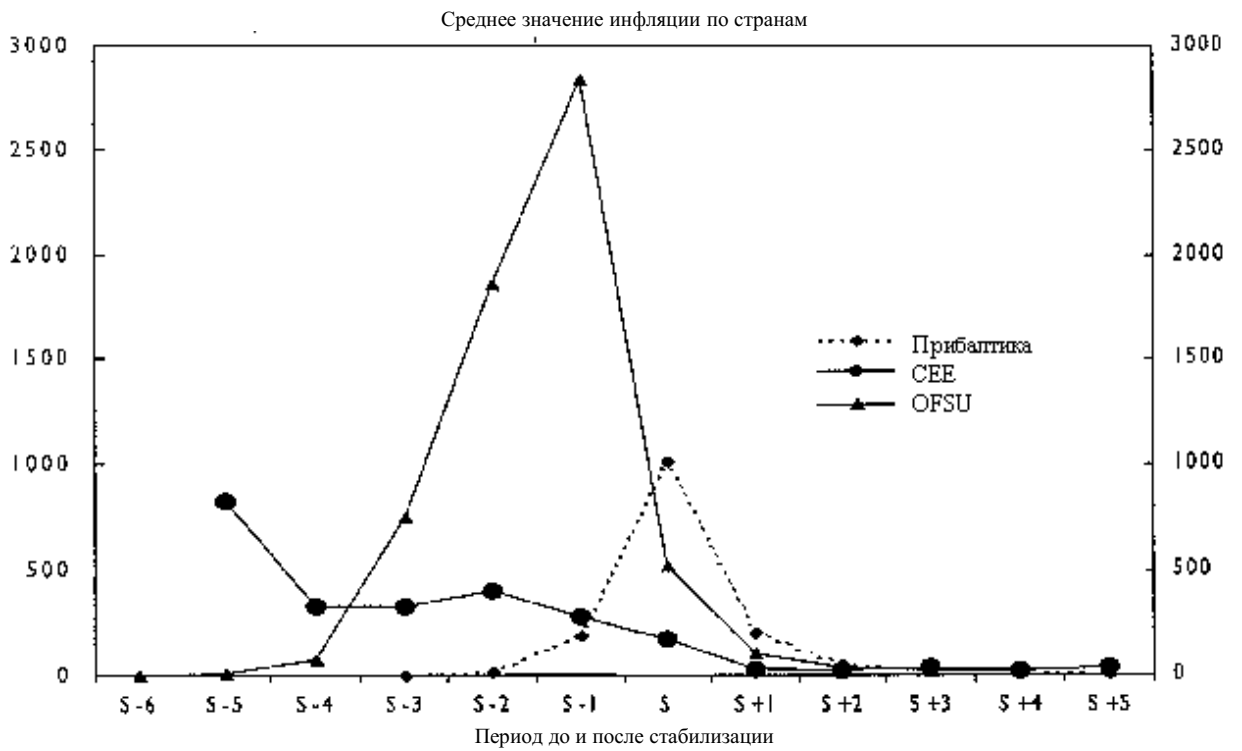
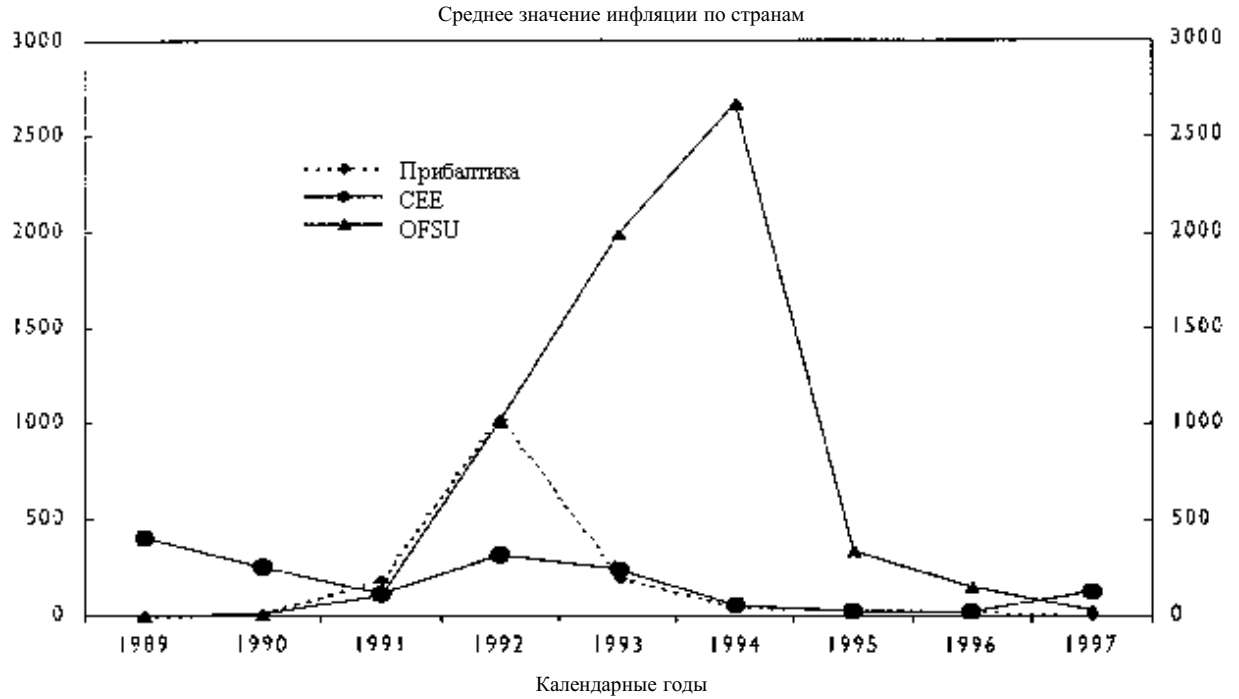
Источник: Международный валютный фонд

Рисунок 3. Частное потребление и инвестиции в переходных экономиках (в процентах от ВВП)

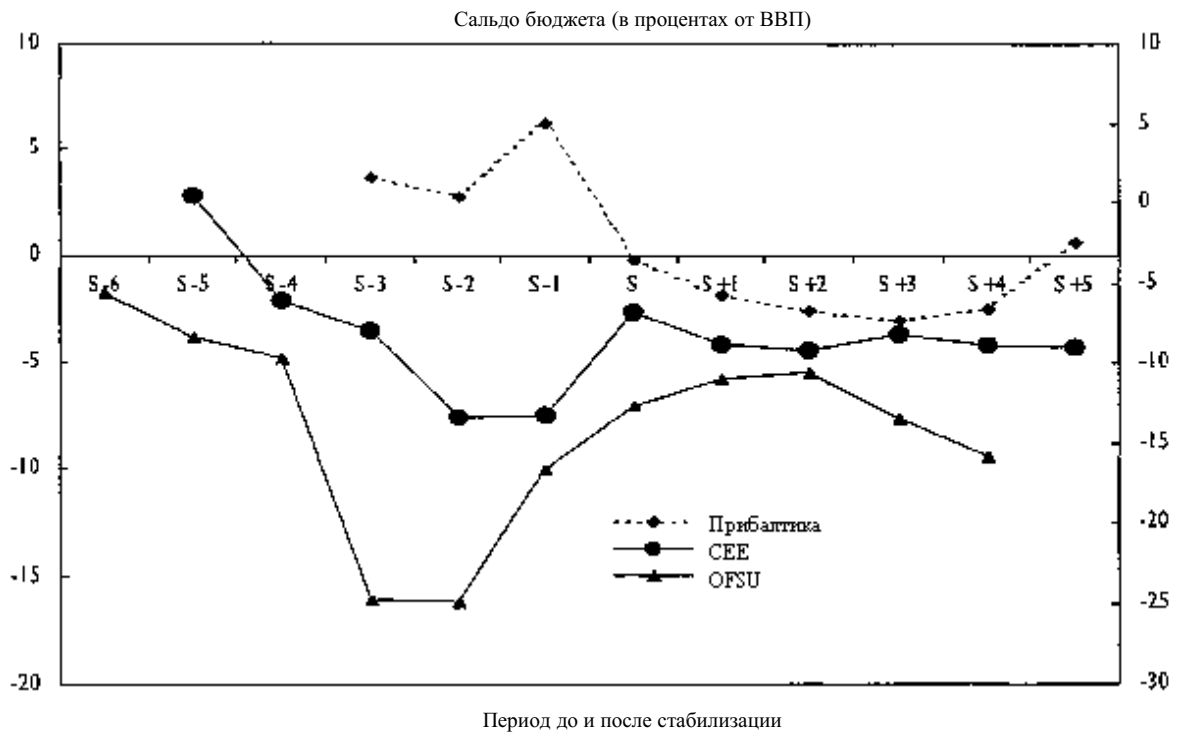
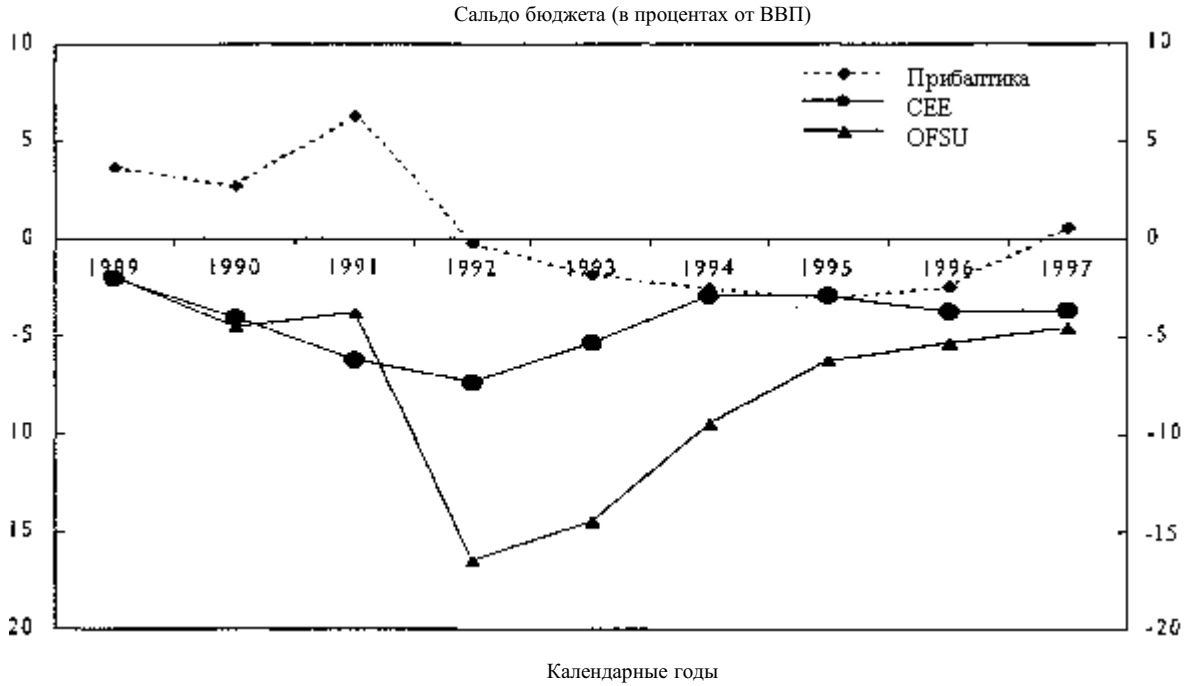
Источник: Международный валютный фонд

Рисунок 4. Инфляция и сальдо бюджета в переходных экономиках

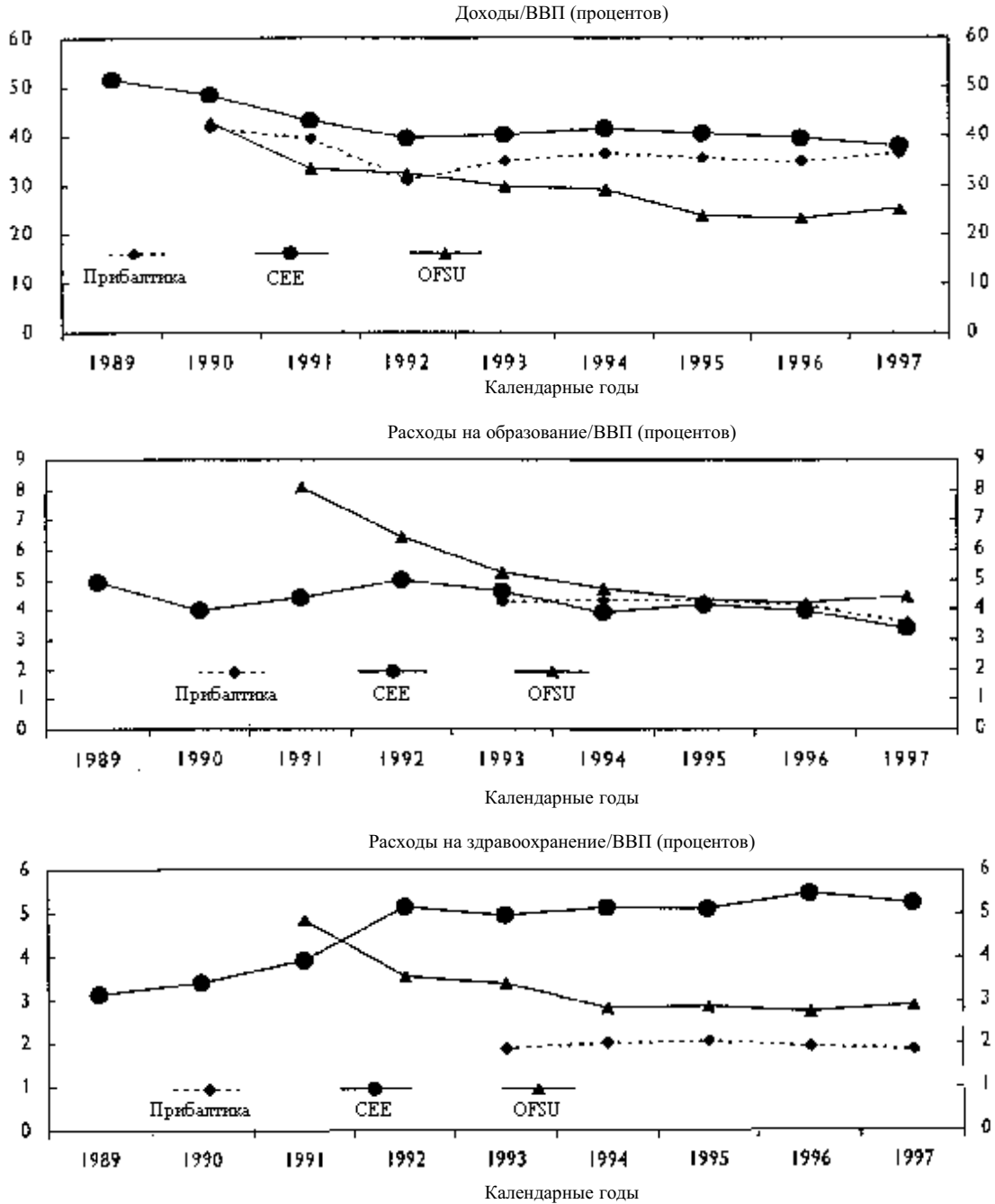
Источник: Международный валютный фонд

Рисунок 4(заключение). Инфляция и сальдо баланса в переходных экономиках

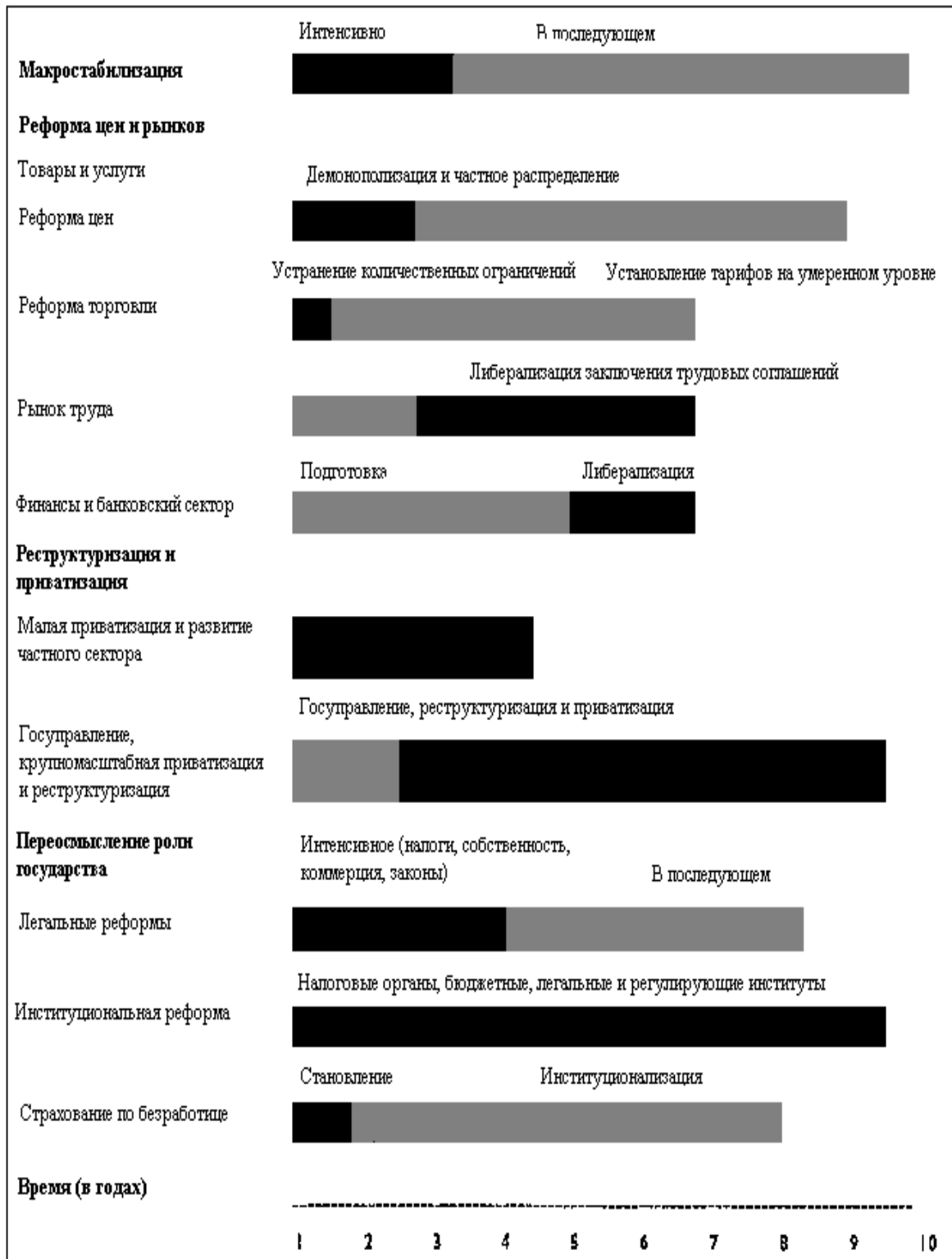
Источник: Международный валютный фонд

Рисунок 5. Доходы бюджета и отдельные статьи расходов в переходных экономиках

Источник: Международный валютный фонд

Рисунок 6. Этапы реформ

Источник: Фишер и Гелб (1991).

Рисунок 7. Потоки капитала в странах с переходной экономикой

Рисунок 7а. Кумулятивные потоки капитала (чистые): 1992-97 [1]
(в долларах США на душу населения)

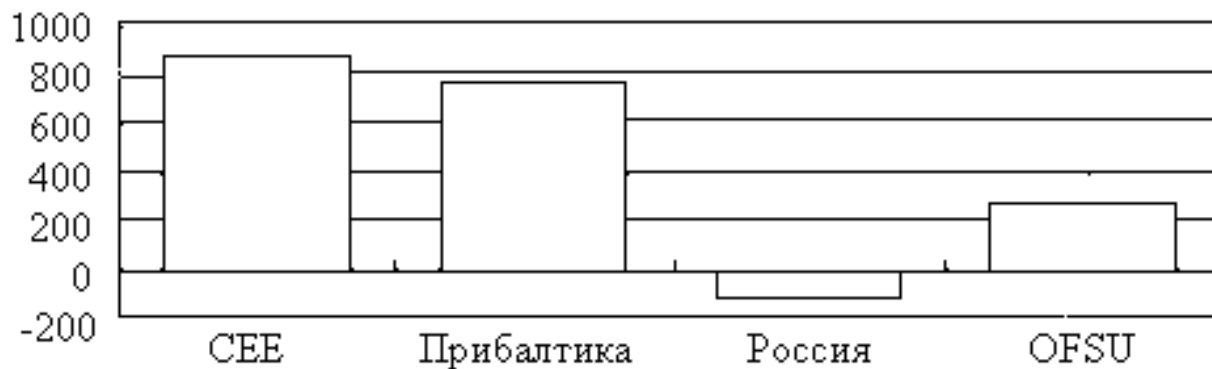
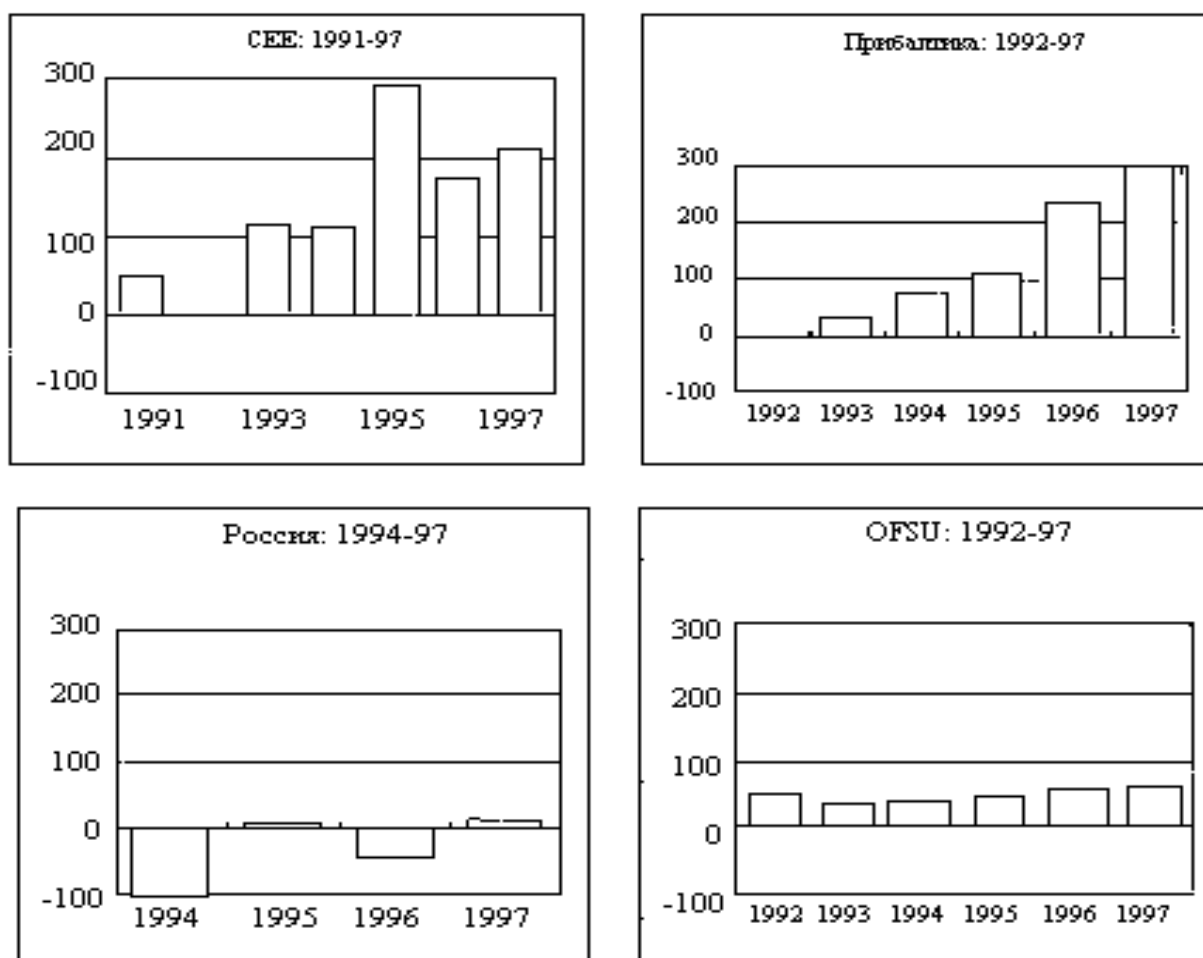
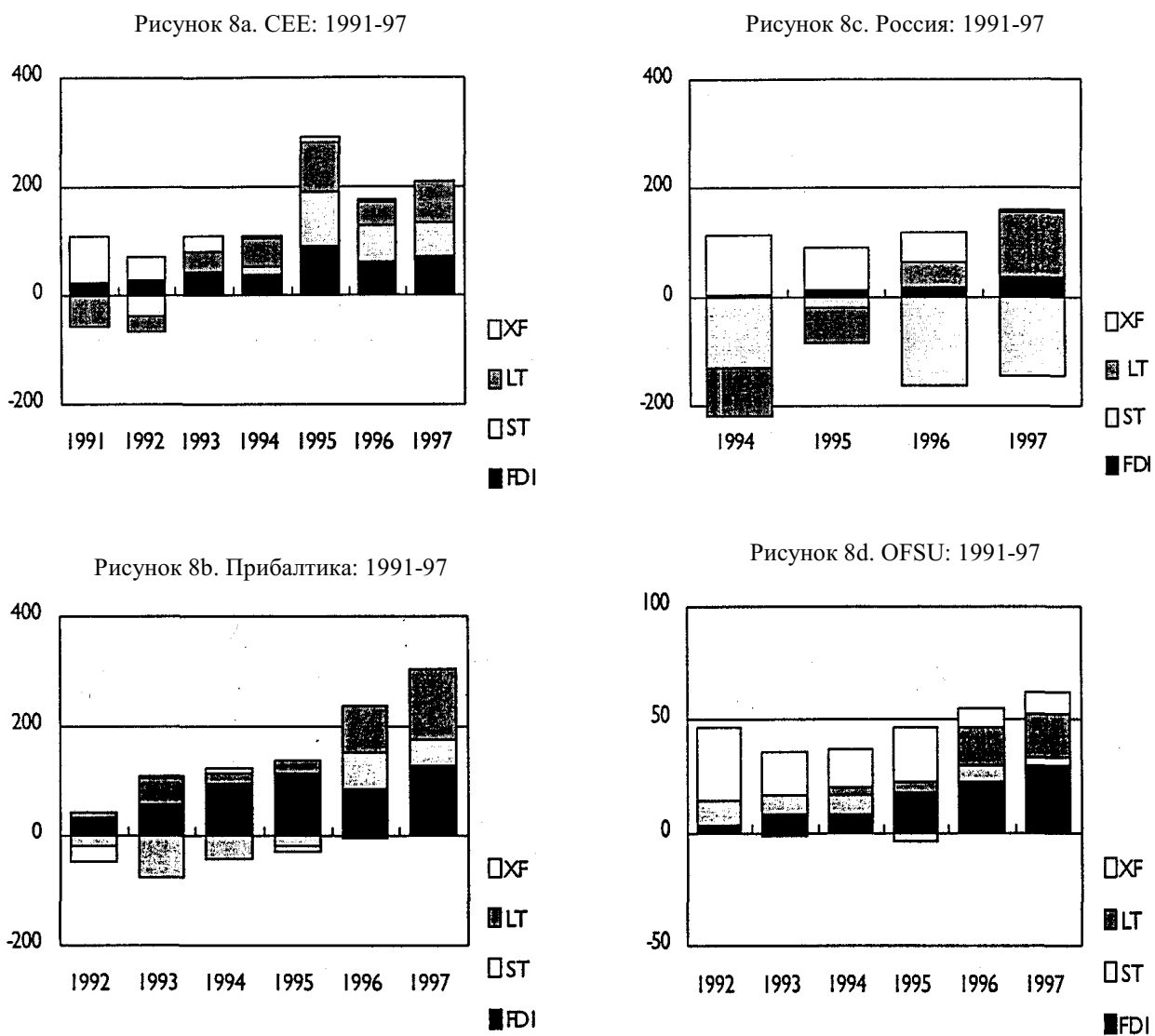

Рисунок 7б. Ежегодные потоки капитала (чистые) (в долларах США на душу населения)

Источник: Гарibaldi, Мора и Зеттельмейер (1999)
[1] Для России, период охватывает 1994-97.

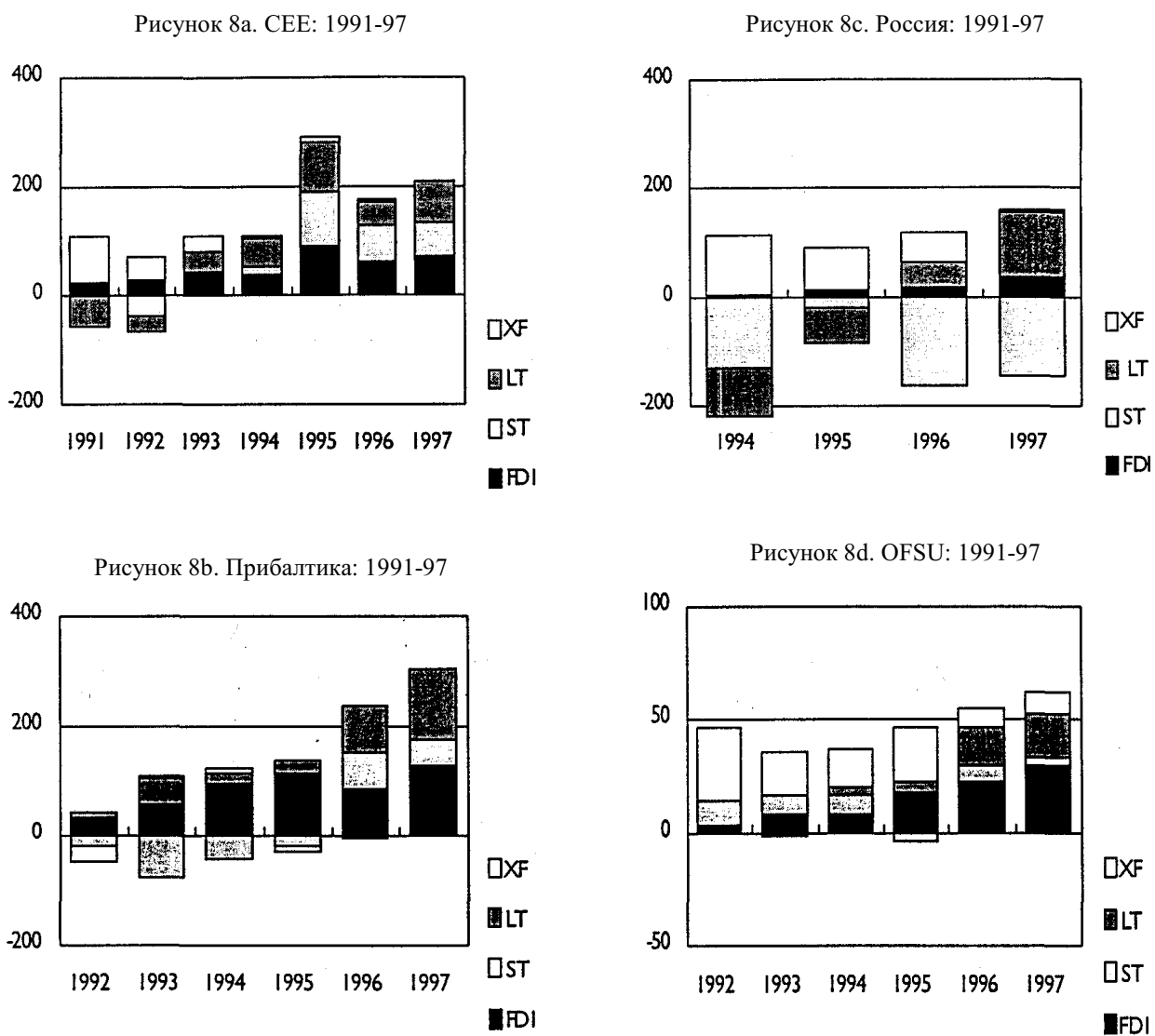
Рисунок 8. Декомпозиция потоков капитала (в долларах США на душу населения)

Источник: Гарибальди, Мора и Зеттельмейер (1999)

Примечание: XF – исключительное финансирование, LT – долгосрочные потоки, ST – краткосрочные, FDI – прямые иностранные инвестиции.

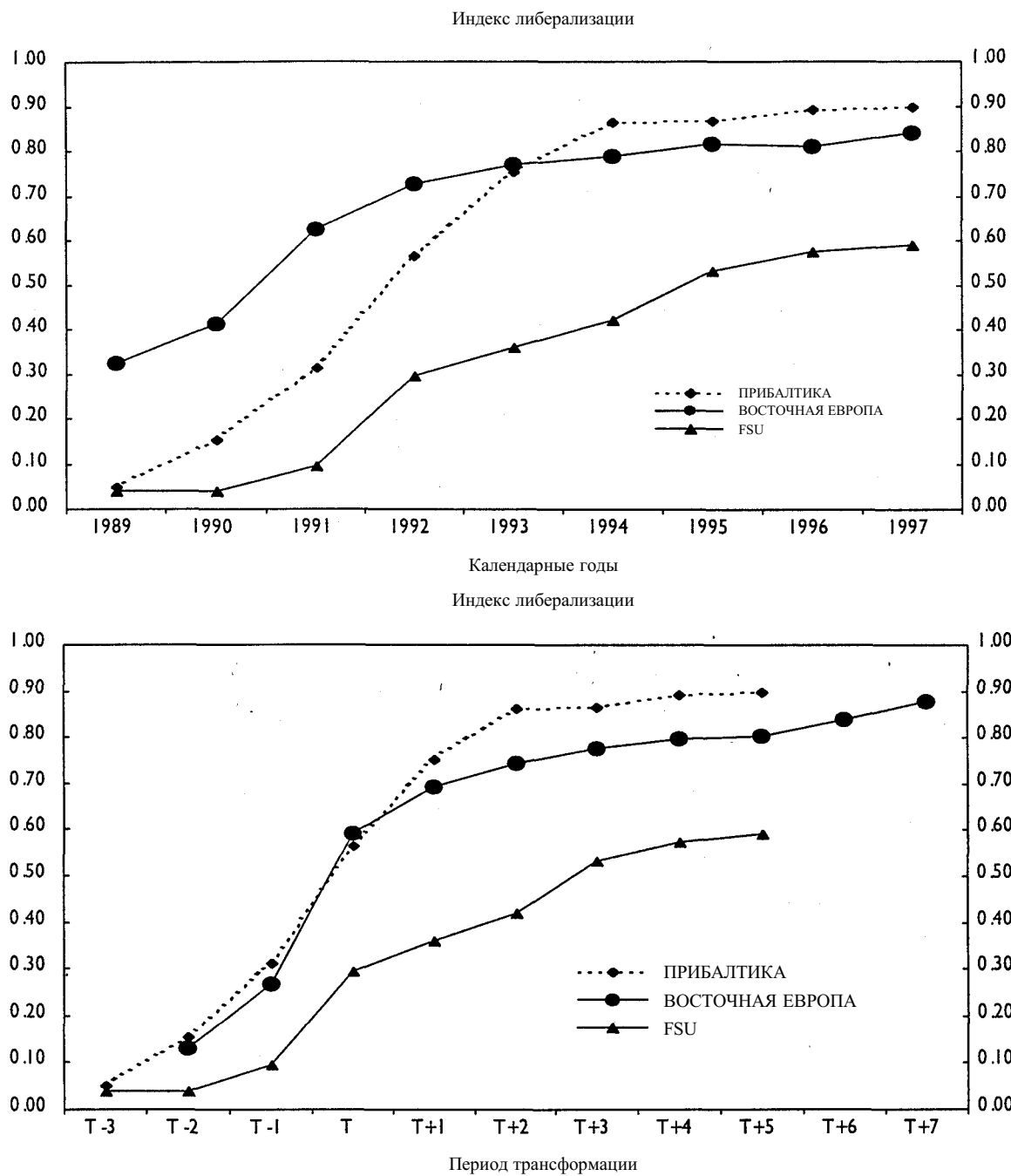
Рисунок 8. Декомпозиция потоков капитала (в долларах США на душу населения)

Источник: Гарибальди, Мора и Зеттельмейер (1999)

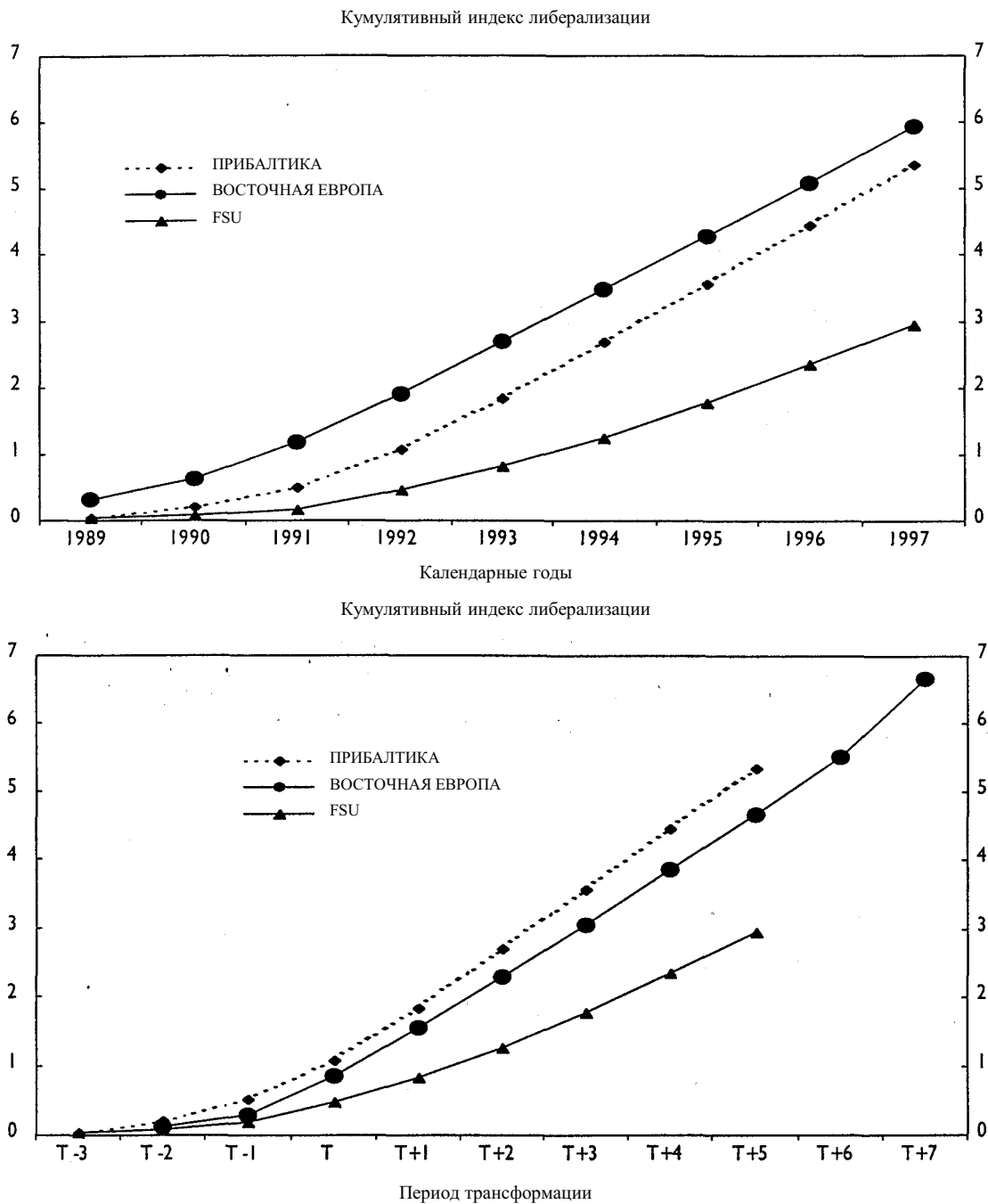
Примечание: XF – исключительное финансирование, LT – долгосрочные потоки, ST – краткосрочные, FDI – прямые иностранные инвестиции.

Рисунок 9. Структурные реформы в странах с переходной экономикой

Источник: Де Мело, Дезинер и Гелб (1996)

Рисунок 9 (заключение). Структурные реформы в странах с переходной экономикой

Источник: Де Мело и Гелб (1996).

Библиография

- Aghion, Philippe, and OlivierJean Blanchard, (1994). "On the Speed of Transition in Central Europe, in: NBER Macroeconomic Annual 1994, edited by Stanley Fischer and Julio J. Rotemberg (Cambridge, Massachusetts: MIT Press).
- Aslund, Anders, (1996). "Reform vs. 'Rent-Seeking' in Russia's Economic Transformation," *Transition 2* (2): 12-16.
- Aslund, Anders, Peter Boone, and Simon Johnson, (1996). "How to Stabilize: Lessons from Post-communist Countries," *Brookings Papers on Economic Activity*, Vol. I, Brookings Institution, pp. 217-313.
- Balcerowicz, Leszek, (1994). "Fallacies and other Lessons," *Economic Policy*, (December), pp. 17-50.
- Barberis, Nicolas, Maxim Boyco, Andrei Shieifer, and Natalia Tsukanova, (1996). "How Does Privatization Work? Evidence from Russian Shops". *Journal of Political Economy*, Volume No. 4, pp. 764-790.
- Berg, Andrew, Eduardo Borensztein, Ratna Sahay, and Jeromin Zettelmeyer, (1999). "The Evolution of Output in Transition Economies". IMF Working Paper 99/73, (Washington: International Monetary Fund).
- Blanchard, Olivier and Michael Kremer, (1997). "Disorganization". *Quarterly Journal of Economics*, pp. 1091-II 26, (November).
- Blanchard, Olivier, (1996). "Assessment of the Economic Transition in Central and Eastern Europe-Theoretical Aspects of Transition". *American Economic Review*, Vol. 86, No. 2, (May), pp. 117-122.
- Blanchard, Olivier, Rudiger Dornbusch, Paul Krugman, Richard Layard, and Lawrence Summers, (1992). "Reform in Eastern Europe". Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
- Boone, Peter, and Boris Fedorov, (1997). "The Ups and Downs of Russian Economic Reforms". *The Economies in Transition: Comparing Asia and Eastern Europe*, edited by Wing Thye Woo, Stephen Parket and Jeffrey Sachs, pp. 1-33, (MIT Press: Cambridge, MA).
- Boyco, Maxim, Andrei Shieifer, and Robert Vishny, (1993). "Privatizing Russia". *Brookings Papers on Economic Activity*, No.2, pp. 139-92.
- Brainard, Elizabeth, (1998). "Winners and Losers in Russia's Economic Transition," *American Economic Review*, Vol. 88, No.5, pp. 1094-1116.
- Calvo, Guillermo, Ratna Sahay, and Carlos Vegh, (1996). "Capital Flows in Central and Eastern Europe: Evidence and Policy Options", in: *Private Capital Flows to Emerging Markets after the Mexican Crisis*, edited by Guillermo Calvo, Morris Goldstein, and Eduard Hochreiter. Institute of International Economics, Washington D.C., pp. 57-90.
- Calvo, Guillermo, and Fabrizio Coricelli (1992). "Output Collapse in Eastern Europe: The Role of Credit". IMF Working Paper 92/64 (Washington: International Monetary Fund).
- Calvo, Guillermo, and Jacob Frenkel, (1991). "From Centrally-Planned to Market Economies: The Road from CPE to PCPE," IMF Working Paper 91/17 (Washington: International Monetary Fund).
- Cheasty, Adrienne and Jeffrey M. Davis, (1996). "Fiscal Transition in Countries of the Former Soviet Union: An Interim Assessment". *Moct-Most: Economic Policy in Transitional Economies*, 6, No. 3, pp. 7-34, (Netherlands).
- De Broeck, Mark and Vincent Koen, (1999). "The Great Contractions in Russia, the Baltics, and the Other Countries of the Former Soviet Union: A View from the Supply Side". Mimeo, August.

de Melo, Martha, Cevdet Denizer, Alan Gelb, and Stoyan Tenev, (1997). "Circumstance and Choice: The Role of Initial Conditions and Policies in Transition Economies," World Bank Policy Research Working Paper No. 1866, (Washington: International Finance Corporation).

de Melo, Martha, Cevdet Denizer, and Alan Gelb, (1996). "From Plan to Market: Patterns of Transition". World Bank Economic Review, Volume 10, September. (Washington: World Bank).

Denizer, Cevdet Denizer and Holger Wolf, (1998). Aggregate Saving in the Transition: A Cross Country Study" Mimeo, The World Bank.

Dewatripont, Mathias, and Gerard Roland, (1995). 'The Design of Reform Packages under Uncertainty'. American Economic Review, Vol. 85, No. 5, (October), pp. 1207-1223.

Easterly, William, and Stanley Fischer, (1994). 'The Soviet Economic Decline-Historical and Republican Data'. Policy Research Working Paper No. 1284 (Washington: World-Bank).

Fischer, Stanley, (1992). "Stabilization and Economic in Russian," Brookings Paper on Economic Activity, Volume I, pp. 77-126.

Fischer, Stanley, Ratna Sahay and Carlos Vegh, (1996a). "Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience". Journal of Economic Perspective, Vol. 10, No. 2, (Spring), pp. 45-66.

Fischer, Stanley, Ratna Sahay and Carlos Vegh, (1996b). "Economies in Transition: The Beginnings of Growth," American Economic Association Papers and Proceedings, Vol. 86, No. 2, pp. 229-233.

Fischer, Stanley, Ratna Sahay and Carlos Vegh, (1997). "From Transition to Market: Evidence and Growth Prospects", in: Lessons from the Economic Transition, edited by S. Zecchini, Kluwer Academic Publishers.

Fischer, Stanley, and Alan Gelb, (1991). "Issues in Socialist Economy Reform". Journal of Economic Perspective, Vol. 5, No. 4, Fall, pp. 91-105.

Frydman, Roman, Cheryl Gray, Marek Hessel, and Andrzej Rapaczynski, (1999). 'When Does Privatization Work? The Impact of Private Ownership on Corporate Performance in the Transition Economies,' forthcoming in the Quarterly Journal of Economics.

Frydman, Roman, and Andrzej Rapaczynski. "Privatization in Eastern Europe: Is the State Withering Away?". Budapest, Central European University Press).

Garibaldi, Pietro, Nada Mora, Ratna Sahay, and Jeromin Zettelmeyer, (1999). "What Moves Capital to Transition Economies, "mimeo, IMF.

Havrylyshyn, Oleh, Ivailo Izvorski, and Ron van Rood-en, (Sept 1998). "Recovery and Growth in Transition Economies 1990-97: A Stylized Regression Analysis". IMF Working Paper 98/141 (Washington: International Monetary Fund).

Hernandez-Cata, Ernesto, (1997). "Liberalization and the Behaviour of Output During the Transition from Plan to Market". IMF Working Paper 97/53 (Washington: International Monetary Fund).

Heybey, Berta, and Peter Murrell, (1999). 'The Relationship between Economic Growth and the Speed of Liberalization during Transition'. Policy Reform, Vol. 3, pp. 121-137.

Johnson, Simon, Daniel Kaufmann, and Andrei Schleifer, (1997). 'The Unofficial Economy in Transition'. Brookings Papers on Economic Activity, No. 2, Brookings institution.

Kornai, Janos, (1986). "The Soft Budget Constraint". Kyklos, Volume 30, pp. 3-30.

Linn, Johannes F., (1999). 'Ten Years of Transition in Central Europe and the Former Soviet Union-The Good News and the Not-so-good News', paper presented at the Dubrovnik Conference on 10 Years of Transition, September.

Lipton, David, and Jeffrey Sachs, (1990a). "Creating a Market Economy in Eastern Europe: The Case of Poland". Brookings Paper on Economic Activity, Volume I, pp. 75-147.

Lipton, David, and Jeffrey Sachs, (1990b). "Privatization in Eastern Europe: The Case of Poland". Brookings Paper on Economic Activity, Volume 2.

Loungani, Prakash, and Nathan Sheets, (1997). "Central Bank Independence, Inflation and Growth in Transition Economies," *Journal of Money, Credit and Banking*, vol.29, no. 3 (August), pp.381-99.

Nellis, John, (1999). "Time to Rethink Privatization in Transition Economies?". IFC Discussion Paper No. 38, The World Bank, Washington D.C.

Newbery, David M., (1991). "Sequencing the Transition". CEPR Discussion Paper Series No. 575 (August).

Sachs, Jeffrey, (1996). "The Transition at Mid Decade". *The American Economic Review*, Vol. 86, (May), p. 128-i 33.

Sachs, Jeffrey, (1996). "Economic Transition and the Exchange-Rate Regime- Exchange Rate Regimes and Macro-economic Stability". *AEA Papers and Proceedings*, Vol. 86, No. 2, May.

Sachs, Jeffrey, and Wing Thye Woo, (1994). "Structural Factors in the Economic Reforms of China, Eastern Europe, and the Former Soviet Union". *Economic Policy: A European Forum*, Vol. 9, pp. 101-145, (April).

Sahay, Ratna and Carlos Vegh, (1996a). "Dollarization in Transition Economies: Evidence and Policy Implications".

The Macroeconomics of International Currencies: Theory, Policy, Evidence, edited by Paul Mizen and Eric J. Pentecost, Edward Elgar publications, pp. 193-224.

Sahay, Ratna, (1996b). "Inflation and Stabilization in Transition Economies: An Analytical Interpretation of the Evidence". *Journal of Policy Reform*, Vol. I, pp. 75-198.

Selowsky, Marcelo, and Ricardo Martin, (1997). "The Transition from Socialism: Policy Performance and Output Growth in the Transition Economies". *AEA Papers and Proceedings*, Vol. 87 (No. 2), pp.350-353.

Stiglitz, Joseph E., (1999). "Whither Reform?". Paper prepared for the Annual Bank Conference on Development Economics, April 28-30, 1999, (Washington: World Bank).

Wolf, Holger, (1997). "Transition Strategies: Choices and Outcomes". *Princeton Studies in International Finance*, No. 85, June 1999, pp. Stern Business School (New York: Stern Business School).

Wyplosz, Charles, (1999). "Ten Years of Transformation:

Macroeconomic Lessons," Paper prepared for the Annual World Bank ABCDE Conference, April 28-30, 1999, (Washington: World Bank).

Zettelmeyer, Jeromin and Daniel Citrin, (1995). "Stabilization: Fixed versus Flexible Exchange Rates", in: *Policy Experiences and Issues in the Baltics, Russia and Other Countries of the Former Soviet Union*, edited by Daniel Citrin and Ashok Lahiri, IMF Occasional Paper No. 133, December, pp. 93-102.

Zettelmeyer, Jeromin, (1999). "The Uzbek Growth Puzzle". IMF Working Paper 98/133, forthcoming in *IMF Staff Papers* (Washington: International Monetary Fund).